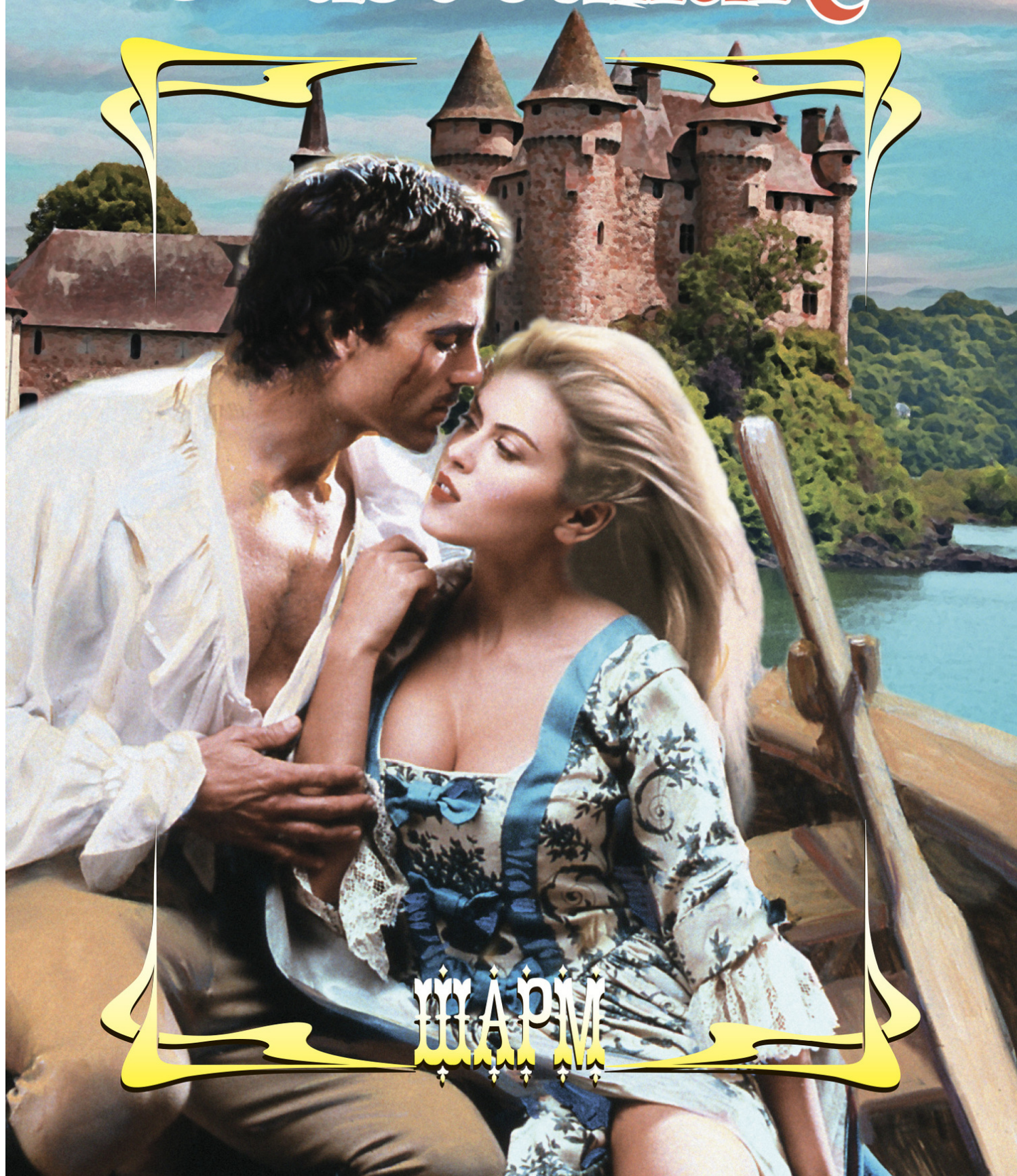

КЕРРИГАН БЕРН

Разбойник

Шарм (АСТ)

Керриган Берн

Разбойник

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берн К.

Разбойник / К. Берн — «Издательство АСТ», 2015 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-120734-2

Когда-то, много лет назад, встретились в сиротском приюте и полюбили друг друга чистой детской любовью маленькая англичанка Фара и шотландский мальчик Дуган. Но жестокая судьба разлучила их... Долгие годы Фара жила лишь памятью о прошедшем. Но однажды ее похитил знаменитый разбойник Дориан Блэквелл и без обиняков заявил девушке: она должна стать его женой, ибо таково было последнее желание его лучшего друга Дугана. Только так он может защитить Фару – и только вместе им удастся отомстить за гибель ее первой любви. Брак ради мести? Фара согласна, ведь после гибели Дугана для любви ее сердце навеки закрыто. Но почему ей снова и снова кажется, будто в жестоком и бесстрашном преступнике проступают совсем иные черты, трогательные и милые, будто бы смутно знакомые?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120734-2

© Берн К., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Керриган Берн Разбойник

Kerrigan Byrne
THE HIGHWAYMAN

© Kerrigan Byrne, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Шотландское нагорье, графство Аргайл

1855 год

Кровь потекла по предплечьям Дугана Маккензи, когда он прислонился к древней каменной стене, отделявшей территорию приюта «Эпплкросс» от диких гор. Больше никто из детей не осмеливался забредать сюда. Стена защищала покосившиеся, выцветшие надгробия, которые поднимались из толстого ковра мха и вереска, питавшихся костями мертвых.

Грудь Дугана тяжело вздымалась, и он на мгновение задержал дыхание, прежде чем соскользнуть вниз по стене и сесть, прижав к груди покрытые синяками ноги. Дуган осторожно раскрыл ладони, насколько позволила его израненная кожа. Теперь ему было еще больнее, чем когда в них впивался острый кончик хлыста. Мрачные чувства помогали удержаться от крика, когда сестра Маргарет пыталась сломить его, и до сих пор не давали слезам пролиться. Дуган встретился взглядом с ее холодными и яркими глазами, но не смог не моргнуть, когда хлыст снова и снова вонзался в его ладони, превращая красные рубцы в истекающие кровью раны.

– Скажи мне, почему ты плачешь?

Этот тихий голосок как будто совладал с резким ветром и превратил его в невидимую ленту, которая принесла к Дугану эти ласковые слова.

На фоне черных и зеленых горных вершин, выступавших из-за серых камней «Эпплкрасса», виднелась девочка, и стояла она к нему ближе чем в десяти дюймах. Вместо того чтобы сбить ее с ног, яростный ветер лишь подбрасывал и дразнил ее кудряшки – такие удивительно светлые, что казались серебристо-белыми. Бледные щеки разалелись от холода, а губы изогнулись в робкой улыбке.

– Убирайся! Отсюда! – прорычал Дуган и, спрятав изнывающие от боли руки под мышки, пнул комок грязи, который угодил в ее чистое черное платье.

– Ты тоже потерял семью? – спросила она с выражением любопытства и невинности на лице.

Дуган все еще был не в состоянии подбирать слова. Он вздрогнул, когда она поднесла к его лицу край своего белого фартука, но позволил ей очень осторожно вытереть слезы и грязь. Ее прикосновения были легки, как крылья бабочки, и так заворожили Дугана, что он перестал дрожать. Что ему ей сказать? Дуган никогда раньше не разговаривал с девочками. Он подумал, как ответить на ее вопрос. Он потерял мать, но сиротой не был. На самом деле большинство детей «Эпплкрасса» были не детьми, а страшными тайнами, спрятанными и забытыми, как те позорные ошибки, в результате которых они появились на свет.

Чьей тайной была она?

– Я видела, что тебе сделала сестра Маргарет, – ласково проговорила девочка, глаза ее светились жалостью.

От этой жалости в груди Дугана вспыхнул огонь унижения и беспомощности, и он отвернулся, чтобы избежать ее прикосновений.

– Я, кажется, велел тебе убраться отсюда.

Она заморгала.

– Но твои руки...

С диким рыком Дуган поднялся на ноги и замахнулся, чтобы не видеть больше жалости в ее ангельских глазах.

Она упала на копчик и закричала, съежившись на земле у его ног.

Дуган замер, его лицо напряглось и запылало, зубы оскалились, а тело изогнулось для удара.

Девочка просто смотрела на него в ужасе, не в силах отвести глаз от кровоточащей раны на его ладони.

– Убирайся отсюда! – рявкнул он.

Она отползла от него, с трудом поднялась на подгибающихся ногах и, обежав широкое пространство вокруг огороженного кладбища, скрылась в приюте.

Дуган сел, прислонившись спиной к камням, и прикоснулся к щеке дрожащими костяшками пальцев. Эта девчушка стала первым человеком в его жизни, притронувшимся к нему не для того, чтобы причинить боль. Дуган не понимал, почему нагрубил ей.

Он уткнулся лицом в колени и закрыл глаза, готовясь целиком отдаться горю. Ледяная влага на задней части его пылающей шеи приятно холодила, и он попытался сосредоточиться на этом ощущении, а не на жгучей боли в руках.

Не прошло и пяти жалких минут, как рядом с его ногами появилась миска с чистой водой. К ней тут же присоединилась чашка – на сей раз с жидкостью цвета карамели.

Измученный, Дуган поднял глаза и увидел, что девочка вернулась, только теперь она размахивала длинными, опасными на вид ножницами, а между ее бровей пролегла решительная морщинка.

– Дай я осматрю твои руки, – попросила она.

Разве он не достаточно напугал ее? Дуган с подозрением посмотрел на ножницы. Они казались и гигантскими, и острыми в ее крохотной руке.

– А это еще зачем? – спросил он. – Для защиты? Или мести?

Его вопросы вызвали у нее щербатую улыбку, и его сердце, подскочив, приземлилось в животе.

– Не говори глупостей, – мягко укорила его она и, отложив ножницы, потянулась к его рукам.

Дуган отдернул их и, насупившись, спрятал за спину.

– Да будет тебе, – уговаривала девочка. – Покажи мне руки.

– Нет!

Она нахмурилась еще больше.

– Как мне лечить твои раны, если ты продолжаешь прятать их от меня?

– Ты не доктор, – выплюнул Дуган. – Оставь меня в покое.

– Мой отец был капитаном в Крыму, – терпеливо объяснила она. – На поле боя он лечил раны, чтобы те не гноились.

Это привлекло внимание Дугана.

– А он убивал людей? – не удержавшись, спросил он.

Девочка на мгновение задумалась над его вопросом.

– На его мундире было много медалей, так что, думаю, должно быть, убивал, хотя никогда не говорил об этом.

– Бьюсь об заклад, он использовал ружье, – проговорил Дуган, отвлекаясь от разговора на мысли, которые считал мужественными и взрослыми. На мысли о войне и славе.

– И еще штык, – с готовностью добавила девочка. – Я как-то раз даже потрогала его, когда он чистил свое оружие у камина.

– Расскажи мне, каким он был, – потребовал Дуган.

– Позволь мне полечить твои руки, тогда расскажу. – Устремленные на него глаза цвета штормового моря сверкнули.

– Что ж, хорошо. – Он очень осторожно вытащил руки из-за спины. – Но ты должна будешь начать с самого начала.

– Договорились, – торжественно кивнула она.

– И ничего не упускай.

– Не упушу. – Она подняла миску с водой.

Наклонившись вперед, Дуган протянул к ней руку ладонью вверх.

При виде истерзанной плоти девочка поморщилась, но бережно взяла его руку в свои, как человек взял бы птенца, и только потом потянулась к миске с водой, чтобы промыть раны.

Когда Дуган зарычал от боли, она начала описывать ему отцовское ружье. Как маленькие катушки соединяются вместе. Как щелкают рычаги. Пыль, зловоние и блеск черного пороха.

Она плеснула спиртного на его раны, и Дуган со свистом выдохнул сквозь зубы, дрожа от напряжения и желания отстранить от нее свои руки. Чтобы отвлечься от боли, он сосредоточил затуманенный взор на каплях воды, которые, словно бриллианты, сверкали на копне ее кудрей. Вместо того чтобы пропитать ее волосы, сделать их тяжелыми и прямыми, дождь, казалось, еще туже завил ее кудряшки и добавил серебристым прядям более темный блеск золотой канители. Ему так и хотелось потрогать кудряшки пальцем, покрутить и потянуть их, чтобы проверить, вернутся ли они на место. Но он держался абсолютно спокойно, пока она старательно бинтовала его ладони полосками своей нижней юбки.

– Скажи мне свое имя, – потребовал он хриплым шепотом.

– Меня зовут Фара. – Дуган понял, что его вопрос был ей приятен, потому что на ее щеке появилась крохотная ямочка. – Фара Ли. – Она резко замолчала, хмуро посмотрев на аккуратный узел, который только что завязала.

– Ну, – настороженно проговорил он, – Фара Ли, а дальше?

Ее глаза стали скорее серыми, чем зелеными, когда их взгляды встретились.

– Мне запретили называть свою фамилию, – ответила она. – Иначе я навлеку неприятности на себя и на человека, которому сказала ее, а, похоже, лишние неприятности тебе ни к чему.

Дуган кивнул. Нельзя сказать, чтобы здесь, в «Эплкроссе», в этом было что-то необычное.

– А я – Дуган из клана Маккензи, – гордо представился он. – И мне одиннадцать лет.

Его слова произвели на Фару должное впечатление, чем она снискала еще большее его расположение.

– А мне – восемь, – сообщила она. – А что же такого ты натворил?

– Я... стащил на кухне буханку хлеба.

Она, похоже, была потрясена.

– Я чертовски голоден все время, – пробормотал Дуган, заметив, что она вздрогнула от его брани. – Настолько голоден, что готов есть мох на этих скалах.

Завязав узелок на последней повязке, Фара откинулась назад, чтобы осмотреть свою работу.

– Слишком большое наказание за буханку хлеба, – печально заметила она. – От этих ран, наверное, останутся шрамы.

– Это уже не впервые, – признался Дуган, пожимая плечами более небрежно, чем ему хотелось. – Только обычно дело заканчивалось волдырями на заднице, и я предпочел бы именно это. Сестра Маргарет сказала, что я – демон.

– Дуган Демон. – Она улыбнулась, явно забавляясь.

– Уж лучше, чем Фея Ли. – Он усмехнулся, играя с ее именем.

– Фея? – Она сверкнула глазами. – Можешь меня так называть, если хочешь.

– Хорошо. – Губы Дугана растянулись, и мальчик поймал себя на том, что улыбался, наверное, впервые в жизни. – А как ты будешь звать меня?

– Друг, – мгновенно ответила Фара и, оттолкнувшись от влажной почвы, отряхнула землю с юбок, прежде чем поднять миску и чашку.

Грудь Дугана наполнилась необычным теплом. Он не знал, что сказать.

– Пойду-ка я лучше в дом. – Фара подставила свое маленькое личико дождю. – А то меня будут искать. – Когда их глаза снова встретились, она добавила: – Не сиди под дождем, а то насмерть простудишься.

Дуган смотрел ей вслед, преисполненный интереса и восхищения. Он наслаждался ощущением, что теперь в его жизни появился кто-то особенный, кого раньше не было никогда.

«Друг...»

– Эй! Дуган! – Громкий шепот так напугал Дугана, что он чуть из штанов не выпрыгнул. Он резко повернулся, готовый отразить удар кого-то из мальчишек, но тут вдруг увидел пару совиных глаз, сияющих в окружении завитков из лунных лучей. Ее остальная часть была искусно скрыта в тени висевшего в холле гобелена.

– Что ты тут делаешь? – спросил он. – Нас обоих высекут, если поймают.

– Вот ты где! – вызывающе воскликнула она.

– Ну... да. – Дуган пытался заполнить пустоту в желудке водой. Однако двумя часами позже, когда мальчик без сна метался в постели, он понял, что его план провалился. Хуже того, выяснилось, что кто-то спрятал ночной горшок, и Дугану пришлось отправиться на поиски уборной.

– А у меня кое-что для тебя есть. – Фара весело выскочила из-за гобелена и подхватила его под локоть, стараясь не задевать повязку на руке. – Иди за мной!

Дверь в конце коридора была слегка приоткрыта, и Фара, подтолкнув его вперед, бесшумно прикрыла за ними дверь. Одинокая свеча мерцала на одном из маленьких столиков, отблески ее света плясали на стенах, заставленных исключительно книжными шкафами.

Дуган поморщился. Библиотека? С какой стати она привела его сюда? Он всегда избегал этой комнаты. Здесь было пыльно, пахло плесенью и старыми людьми.

Потянув Дугана к столику со свечой, Фара указала ему на стул, придвинутый к открытой книге.

– Садись сюда! – К этому моменту девочка едва не дрожала от возбуждения.

– Нет! – Дуган нахмурился, взглянув на книгу, его любопытство гасло. – Я иду спать.

– Но...

– И тебе следует сделать то же самое, пока они не поймали тебя и не содрали с тебя шкуру.

Сунув руку в карман фартука, Фара вынула что-то завернутое в льняную салфетку. Развернув ее, девочка показала Дугану недоеденный кусок сыра, немного пересохшего жаркого и большую горбушку хлеба.

Рот Дугана тут же наполнился слюной, и он изо всех сил старался не выхватить у нее еду.

– Я не смогла доесть это за ужином, – сказала Фара.

Дуган набросился на ее дар, как дикарь, и сначала схватил горбушку, так как знал, что хлеб лучше всего дает чувство насыщения. Он слышал, как после каждого проглоченного куса из глубины его горла вырываются рычащие звуки, но ему было наплевать.

Когда Фара снова заговорила, ее голос был полон слез.

– Дорогой друг... – Ее маленькая ручка прижалась к его сгорбленной спине и утешающе похлопала по ней. – Я больше не позволю тебе голодать, обещаю!

Наблюдая за тем, как Фара потянулась к книге, Дуган засунул в рот большой кусок жаркого, который едва поместился внутри.

– Че это такое? – спросил он с набитым ртом.

Она разложила свои маленькие ручки на раскрытой книге, осторожно разгладила страницы и подтолкнула том к Дугану.

– Мне было не по себе из-за того, что днем я совсем немного знала о ружьях, поэтому весь вечер я искала, и вот, смотри, что нашла! – Она ткнула своим крохотным пальчиком рядом с изображением длинной винтовки Энфилда. Под ним были картинки поменьше, с изображением частей разобранного оружия. – Это образец 1851 года, – сообщила Фара. – И смотри! Вот и штыки. В следующей главе рассказывается о том, как их изготавливают и как они крепятся к верхушке... Что? – Девочка наконец посмотрела на Дугана, и что-то в выражении его лица заставило ее залиться краской.

Дуган уже почти забыл о еде, потому что все его тело заполнилось самым сильным и восхитительным ощущением, какое он когда-либо испытывал. Это было что-то вроде голода и вроде насыщения. Изумление и благоговение, тоска и страх, заключенные в нежном блаженстве. Оно заполняло его грудь, пока не добралось до легких и не вытеснило из них весь воздух.

Дуган поймал себя на мысли, что ему хочется найти подходящее слово для этого ощущения. Может, такое слово и было, затерянное где-то в этих бесчисленных томах, которые он никогда не открывал.

Фара вернулась к книге и, откашлявшись, вновь заговорила:

– Смотри, прямо под картинкой каждой детали написано ее название.

– Откуда ты знаешь? – Дуган опустил глаза на значки под картинками, на которые она указывала, но они для него были бессмысленными.

– Так вот же, тут все написано, – сказала Фара. – Ты не умеешь читать?

Нарушая тишину, Дуган отломил кусок сыра, сунул его в рот и принялся яростно жевать.

– Тебя что, никто не учил этому? – догадалась Фара.

Не обратив внимания на ее вопрос, Дуган покончил с горбушкой хлеба, опустив глаза на картинки и изнывая от желания узнать, что же там было написано.

– А ты... ты сможешь прочесть мне эти надписи, Фея?

– Конечно, смогу! – Фара наклонилась вперед, стоя на стуле на коленях, потому что стол был слишком высок для нее и она не могла смотреть на страницы книги сидя. – Но только завтра, когда мы тут встретимся, я научу тебя читать самостоятельно.

Впервые в жизни испытав ощущение сытости и удовлетворения, Дуган стал указывать ей на картинки, а Фара рассказывала ему, что под ними написано, пока он, смакуя, доедал последние крошки сыра.

К тому времени, когда они добрались до главы о штыках, голова Фары упала ему на плечо, и так они и сидели, склонившись к своей книге и свече. Дуган неумоимо тыкал одним пальцем в картинку за картинкой, а другой его палец добрался до одного из ее локонов, лениво распрямил его, а потом позволил ему отскочить на место.

– Вот что я думаю, – промолвил он через некоторое время, когда Фара замолчала, сонно зевая. – Поскольку у тебя нет семьи и тебе некого любить, ты могла бы полюбить меня... – Вместо того чтобы посмотреть Фаре в глаза, Дуган разглядывал белоснежную повязку, сделанную из полосок ее юбки, на фоне которой его рука казалась еще грязнее. – Если, конечно, ты этого захочешь, – добавил он.

Фара зарылась лицом в его шею и вздохнула; она моргала, а ее ресницы касались его нежной кожи.

– Конечно, я буду тебя любить, Дуган Маккензи, – с легкостью приняла она его предложение. – А кто же еще, если не я?

– Никто, – серьезно отозвался он.

– А ты попробуешь тоже полюбить меня? – тихо спросила она.

Дуган задумался.

– Попробую, Фея, но я еще никогда никого не любил.

– Этому я тебя тоже научу, – пообещала Фара. – Сразу после того, как научу читать. Любовь очень похожа на чтение, мне кажется. Как только ты поймешь, как любить, то уже и представить себе не сможешь, как не делать этого.

Дуган лишь кивнул в ответ, потому что его горло пылало. Он обнял свою собственную Фею, наслаждаясь тем, что наконец-то у него появилось что-то хорошее и никто не сможет это у него отнять.

Дуган много узнал о себе за эти два блаженных года, проведенных с его Феей. А именно, что когда он любил, то любил безгранично. Даже одержимо.

Фара поведала ему, что ее отец заразился холерой, навещая друга в госпитале, и принес это заболевание в их дом. Старшая сестра Фары Фэй Мари умерла первой; вскоре за ней последовали их родители.

Дуган рассказал Фаре, что его мать служила горничной в доме лэрда Маккензи. Она родила лэрду очередного внебрачного сына, он жил с ней около четырех лет, пока ее не убил другой любовник.

Еще в раннем детстве Дуган понял, что у него есть особенность, отличавшая его от других людей, а именно – он запоминал все. Он помнил даже разговоры, которые они с его Феей вели через год, и представлял, как шокирует и обрадует ее, напомнив ей о каком-нибудь из них.

– Я совсем забыла об этом! – скажет она.

– А я никогда не забываю, – похвастается он.

Эта способность позволила ему на лету схватывать знания, и он быстро превзошел ее навыки чтения. Однако Дуган всегда внимательно прислушивался к урокам Фары, даже когда ему этого не хотелось. К тому же она выбирала книжки, которые могли его заинтересовать: о кораблях, пушках и череде исторических войн, начиная от римлян и заканчивая Наполеоном. Особой любовью Дугана пользовались истории о пиратах.

– Как ты думаешь, я смогу когда-нибудь стать хорошим морским разбойником? – спросил он однажды с полным ртом печенья, которое она принесла ему в качестве особого угощения.

– Нет, конечно, – терпеливо ответила Фара. – Пираты – злые воры и убийцы. К тому же они не пускают на свои пиратские корабли девушек. – Она посмотрела на него увлажнившимися, испуганными глазами. – Ты бросишь меня, чтобы заняться морским разбоем?

Дуган привлек ее к себе.

– Я никогда не оставлю тебя, Фея! – истово поклялся он.

– Правда? – Ее глаза обрели цвет грозовой тучи, угрожающей разразиться дождем. – Даже для того, чтобы стать пиратом?

– Обещаю! – Дуган откусил кусок печенья и улыбнулся ей с набитыми щеками, прежде чем вновь вернуться к книге. – Хотя я мог бы стать разбойником с большой дороги. Разбойники очень похожи на пиратов, только на суше.

Немного подумав, Фара кивнула.

– Да, думаю, тебе больше подошла бы жизнь разбойника, – согласилась она.

– Да, Фея, а тебе придется свыкнуться с мыслью о том, что ты – жена разбойника с большой дороги.

Девочка захлопала в ладоши и восхищенно посмотрела на него.

– Звучит как обещание приключения! – воскликнула она. Но потом ее лицо посерьезнело, словно она вспомнила нечто особенно неприятное.

– Что такое? – встревожился Дуган.

– Только... Мне кажется, я должна выйти замуж за кого-то другого, – призналась Фара.

– За кого? – прорычал Дуган, встряхнув ее за хрупкие плечи.

– За мистера Уоррингтона. – Она продолжила, увидев гнев и недоумение в его глазах: – Он... он работал с моим отцом, и это он оставил меня здесь. Мистер Уоррингтон сказал, что, когда я стану женщиной, он придет за мной и мы должны будем пожениться.

Холодное отчаяние пробралось в его кровь.

– Ты не можешь выйти замуж за другого, Фея! Ты принадлежишь мне! Только мне!

– Так что же нам делать? – разволновавшись, спросила Фара.

Дуган лихорадочно размышлял, пока они дрожали, прижавшись друг к другу в скучной библиотеке, потому что угроза будущей разлуки свела их еще ближе. Внезапно его осенила гениальная идея.

– Иди спать, Фея! А завтра вечером, вместо встречи здесь, в библиотеке, давай встретимся в ризнице.

Дуган ждал Фару в ризнице с единственным предметом, напоминавшим ему о семье: с обрывком пледа клана Маккензи¹. Он помылся, отскреб с себя грязь и расчесал спутавшиеся черные волосы, прежде чем перехватить их шнурком на затылке.

Непокорные кудри Фары появились из-за тяжелых дверей часовни, и когда она заметила Дугана, стоявшего у алтаря, освещенного одинокой свечой, сияние ее улыбки осветило ей путь по проходу. Фара надела простую белую ночную рубашку, которая бесконечно ему нравилась, и при каждом ее шаге из-под длинного подола показывались ее босые ножки.

Дуган протянул ей руку, и она без раздумья взяла ее.

– Ты отлично выглядишь, – прошептала Фара. – А что мы тут делаем, Дуган?

– Я пришел сюда, чтобы жениться на тебе, – пробормотал он.

– Да ты что? – Она с любопытством огляделась по сторонам. – Без священника?

– Нам в горной стране священники не нужны, – проговорил он с легкой усмешкой. – Наши браки благословляются многими богами, а не одним. И они приходят, когда мы их просим, а не когда к ним обращается священник.

– Звучит еще лучше, – согласилась Фара, с воодушевлением кивая головой.

Они встали на колени лицом друг к другу перед алтарем, и Дуган обернул обрывком выцветшего пледа их соединенные правые руки.

– Просто повторяй за мной, Фея, – пробормотал он.

– Хорошо.

Фара подняла на него свои глаза, и он ощутил прилив такой сильной и неистовой любви, которая, казалось, была неуместна в этой святой комнате.

Дуган начал магический обряд, за которым когда-то ребенком наблюдал из-за материнских юбок:

Ты кровь от крови моей и кость от кости моей,
Я тело свое отдаю тебе, чтобы мы двое могли стать одним,
И душу свою отдаю тебе до конца наших дней².

Фаре нужно было иногда подсказывать слова, но она произносила их с таким пылом, что Дуган был тронут.

Надевая своей Фее на палец кольцо из ивовой лозы, он очень четко произносил священные древние клятвы, но ради Фары перевел их на английский язык:

Я делаю тебя своим сердцем.
При восходе Луны.
Чтобы любить и почитать тебя,
Всю нашу жизнь.
И пусть мы возродимся,
Пусть наши души встретятся и все узнают.
И снова будут любить
И помнить³.

Мгновение она казалась растерянной и ошеломленной, но потом объявила:

¹ У шотландцев плед с определенным рисунком служит основным признаком принадлежности к какому-то клану. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Традиционная кельтская свадебная клятва.

³ Стих для церемонии дарения колец.

– И я тоже.

Этого было довольно. Отныне она принадлежала ему. Вздохнув, словно он сбросил тяжелый груз, Дуган освободил их руки и отдал Фаре обрывок пледа.

– Оставь его себе и храни у сердца, – сказал он.

– О Дуган, а мне нечего подарить тебе! – с сожалением воскликнула Фара.

– Ты подаришь мне поцелуй, Фея, и на этом дело будет сделано.

Фара бросилась к Дугану и неумело прижала свой маленький ротик к его губам, а затем с громким чмоканием прервала поцелуй.

– Ты – лучший муж, Дуган Маккензи, – заявила она. – Я не знаю другого мужа, который мог бы заставить лягушку так высоко прыгать, придумывал бы такие умные клички для лис, живущих под стенами, или бросать три камня одновременно.

– Только мы не должны никому об этом рассказывать, – предупредил Дуган, все еще пошатываясь от поцелуя. – До тех пор, пока не станем взрослыми.

Фара согласно кивнула.

– Мне лучше вернуться, – сказала она неохотно.

Дуган согласился и, опустив голову, поцеловал ее еще раз более нежным поцелуем. В конце концов, это было право мужа.

– Я люблю тебя, моя Фея, – прошептал он вслед девочке, которая, сжимая в руках плед, молча побрела по проходу, украшенному яркими цветами.

– Я тоже тебя люблю.

На следующую ночь маленькая Фея разбудила Дугана, приподняв одеяло и проскользнув к нему на узкую койку. Он открыл глаза и в тусклом свете одинокой свечи увидел копну серебристых кудряшек, рассыпавшихся у него на груди.

– Что ты делаешь, Фея? – сонным голосом спросил он.

Она не ответила ему, просто вцепилась в его рубашку с несвойственным ей отчаянием. Ее тело сотрясала дрожь, а из ее горла вырывались тихие, бессловесные рыдания.

Дуган инстинктивно обхватил ее руками и крепко прижал к себе, паника охватила его до мозга костей.

– Что случилось? Тебе больно?

– Н-нет, – запинаясь, ответила она, не поднимая головы.

Дуган немного успокоился, однако тревога не оставила его: он увидел, что его поношенная ночная сорочка спереди вымокла от ее слез. Он приподнял голову, чтобы проверить, заметил ли ее присутствия кто-то из двадцати или около того мальчиков, койки которых стояли рядом или напротив, однако все было тихо, насколько он мог судить. Фара никогда не ложилась в его постель прежде, так что привести ее сюда могла только очень серьезная причина.

Слегка изогнувшись, чтобы посмотреть на нее, Дуган в серебристом лунном свете увидел такое, отчего кровь застыла в его жилах.

На Фаре была ее чудесная ночная рубашка – та самая, в которой она была прошлым вечером, когда он взял ее в жены, – только теперь на ней от талии до кружев на шее не было крохотных пуговок. Она сжимала половинки рубашки одной рукой, а другой вцепилась в него. Безрадостное спокойствие охватило Дугана, когда он принялся укачивать в руках свою десятилетнюю жену.

– Расскажи мне. – Это было все, что он смог произнести прерывающимся от страха голосом.

– Он притащил меня в свой кабинет и начал говорить такие уж-ужасные вещи, – прошептала Фара ему в грудь. Ее лицо залилось краской, и она все еще не решалась поднять на Дугана глаза. – Отец Маклин сказал мне обо всем, что я искушаю его сделать со мной. Это было ужасно, страшно и неприлично. А потом он усадил меня на колени и попытался поцеловать.

– Попытался? – Кулаки Дугана, прижавшиеся к ее рубашке на спине, затряслись от ярости.

– Я... вроде как... ударила его в плечо ножом для писем и убежала, – призналась Фара. – Прибежала сюда. К тебе. Это единственное безопасное место для меня. Ох, Дуган, он за мной охотится! – Девочка разрыдалась, и все ее тело содрогнулось от усилий не плакать громко.

Несмотря ни на что, губы Дугана скривились в усмешке: он был удовлетворен поведением своей маленькой жены.

– Ты отлично поступила, Фея, – пробормотал он, поглаживая ее волосы и желая про себя, что лучше бы она ударила отца Маклина ножом в глаз, а не в плечо.

«Эплкросс» был большой, древней каменной крепостью с множеством уголков для укрытия, но старому священнику не понадобится много времени, чтобы прийти с обыском в спальню мальчиков.

– Я не знаю, что делать, – раздался тихий голосок из-под его одеяла.

Под дверью спальни появилась полоска света, и Дуган замер, зажав ей рот рукой и затаив дыхание, пока свет не исчез.

Потом он встал с кровати, открыл свой сундук и вытащил оттуда две пары брюк. Одну пару он бросил Фаре вместе с одной из своих рубашек.

– Надень это, – шепотом приказал он ей.

Кивнув, Фара принялась неловко натягивать на себя одежду под ночной сорочкой. Дуган быстро помог ей закатать рукава и подол рубашки и подвязал брюки вместо ремня куском бечевки на ее худеньких бедрах.

Надев сапоги с потрескавшимися подошвами, он решил, что они стянут сапоги для Феи у кухарки, когда зайдут в кухню за едой для своего путешествия. Они не могли рисковать и зайти в спальню для девочек за вещами Фары.

Ее маленькая ручка в его руке казалась хрупкой и в то же время весомой, когда они в темноте шли в кухню, то и дело останавливаясь, чтобы заглянуть за угол, и пробираясь сквозь тени. До Рассела на озере Лох-Кишорн было почти десять миль пути. Там они смогут отдохнуть, поспать и полакомиться устрицами на устричной банке⁴, прежде чем продолжить путь в Форт-Уильям. Дугану оставалось только надеяться, что его маленькой Фее хватит сил все это выдержать. Впрочем, это неважно, потому что он был готов при необходимости всю дорогу нести ее на руках.

Оказавшись в кухне, они набрали хлеба, сушеной свинины и немного сыра и потеряли драгоценные секунды, засовывая куски марли в сапоги кухарки. Та была женщиной мелкой, с маленькими ногами, но даже ее обувь Фаре оказалась велика.

Дуган был рад видеть, что его Фея перестала плакать, а ее лицо обрело целеустремленное и решительное, правда, немного встревоженное выражение.

Он надел на нее свою куртку, досадуя, что у него не нашлось для нее одежды потеплее.

– А ты разве не замерзнешь? – запротестовала она.

– У меня на костях больше мяса, – похвастался Дуган.

Открывая кухонную дверь, он вздрогнул, когда петли заскрипели так громко, что могли бы пробудить от вечного сна половину душ, покоящихся на кладбище.

Глинистый запах росы напомнил ему, что рассвет близок, но это означало еще и то, что ночь перестала морозить воздух, а это хороший знак.

Вглядевшись в темноту, Дуган определил, в какой стороне находится восток. Они должны идти по прямой, никуда не сворачивая, насколько это возможно, и тогда дорога выведет их прямо на берег Лох-Кишорн. Он был в этом уверен.

⁴ Морская отмель, населенная моллюсками.

Сдавленный вскрик Фары не успел насторожить Дугана, потому что через миг ее ручку вырвали из его руки.

Резко повернувшись, он увидел возвышавшуюся над ним сестру Маргарет, удерживающую вырывающуюся Фару; в это же мгновение в кухню, пыхтя, ввалился отец Маклин в сопровождении двух крепких монахов.

– Не-ет! – завопил Дуган, застывая от презренного ужаса.

– Дуган, беги! – закричала Фара.

Отец Маклин подошел к сестре Маргарет и с усмешкой потянулся к тонкой, узловатой, окровавленной руке, чтобы помочь в усмирении Фары с помощью порки.

– Не смейте прикасаться к ней, черт возьми! – приказал Дуган. – Она моя! – Вынув нож, который он стянул с кухонной доски, Дуган предупреждающе замахнулся им на двух своих противников. – Если только не хотите влипнуть дважды за ночь. – Он сделал угрожающий шаг вперед, и отец Маклин оторвал тонкие губы от своих острых, неровных зубов. Его лысая макушка блестела в свете факела, который держал в руке один из монахов.

– Девчонка слишком дорога, чтобы отпустить ее. – Быстрый, как ястреб, Маклин вцепился длинными, костлявыми пальцами в тонкую шею Фары. – Тебе надо было выбрать другую принцессу себе в добычу.

Принцессу?

– Хищник тут не я, а вы! – обвинил отца Маклина Дуган, будучи не в силах оторвать глаз от полного ужаса взгляда его Феи, которая извивалась, пытаясь вырваться и вздохнуть. – Отпустите ее, или я вас обоих зарежу.

Фара сдавленно всхлипнула, и Маклин полностью перекрыл ей воздух.

Дуган выдохнул. Бросившись вперед, он замахнулся ногой и ударил своим сапогом прямо в слабое колено отца Маклина. Тот упал с надрывным воплем, и, не успев понять, что делает, Дуган вонзил нож в грудь священника. Раздались женские крики – слишком низкие для его Феи, хотя Дуган был уверен, что слышит и ее крик тоже. Внезапно он понял, что пришла пора отомстить от имени его Феи за все побои и голод. Дуган выхватил нож как раз вовремя, чтобы замахнуться на приближавшегося монаха, который успел отскочить в сторону. Он был так сосредоточен на этом человеке, что не заметил, как второй монах занес руку с факелом для удара. Сопротивляться было поздно. Последним, что услышал Дуган, был голос его Феи, его жены, которая выкрикивала его имя. Его последней мыслью была мысль о том, что он подвел ее. Он потерял ее навсегда.

Глава 2

Лондон, 1872 год

Семнадцать лет спустя

Уже почти десять лет назад у миссис Фары Ли Маккензи вошло в привычку проходить до работы пешком одну милю. Она выходила из своей небольшой, но модной квартиры, расположенной над одной из многочисленных кофеен на Феттер-лейн, прогуливалась по Флит-стрит, пока та не сворачивала на Стрэнд, печально известную авангардным театром и искусством улицы. С Темпл-Баром⁵ и театром Адельфи слева, районом Ковент-Гарден и Трафальгарской площадью справа, каждое утро становилось настоящим праздником для ее чувств.

Фара часто пила утренний кофе в компании хозяина ее квартиры и владельца кофейни «Букенд» мистера Пьера де Голя, который радовал ее рассказами о знаменитых поэтах, писателях, художниках, исполнителях и философах, нередко заглядывавших в его заведение вечерами.

В то утро разговор зашел о странном парижском авторе Жюле Верне и о споре, который у них как-то зашел об их общем знакомце, недавно скончавшемся Александре Дюма.

Фара была особенно заинтересована, потому что являлась большой поклонницей произведений мистера Дюма и стеснялась признаться, что еще не читала работ мистера Верна, но чувствовала, что ей следует добавить их в постоянно растущий список книг для чтения.

– Не беспокойтесь, – произнес де Голь со своим сильным французским акцентом, который так и не уменьшился за те десять лет, что Фара была с ним знакома. – Это еще один претенциозный писатель-деист, который считает себя философом.

С улыбкой оставив де Голю месячную ренту и расцеловав его толстые щеки, Фара взяла себе на завтрак круассан и отщипнула от него кусочек, пробираясь по людному Стрэнду. Единственными домами на ее пути, которые не могли похвастаться красочной компанией постоянных посетителей, были дома для отдыха и развлечений, которые, как и многие их служащие, казались обманчиво привлекательными по вечерам, когда освещение было более подходящим.

Утренняя прогулка показалась Фаре удручающе скучной, несмотря на ошеломляющую суматоху самой известной рыночной улицы Лондона. По крайней мере до тех пор, пока она не срезала путь по Нортумберленд-стрит, чтобы миновать Чаринг-кросс и попасть к задней части дома номер четыре на площади Уайтхолл, знакомой всему английскому обществу как «задний холл» штаб-квартиры Полицейского управления Лондона, известного также как Скотленд-Ярд.

Окружающая здание толпа была гораздо больше и злее, чем обычно, и выплескивалась на главную улицу.

Фара осторожно приблизилась к краю толпы, желая узнать, принял ли парламент еще одну поправку к закону о браке. Потому что на ее памяти последний раз она видела такой переполох в Скотленд-Ярде, когда он разделил здание с уполномоченным по лицензированию.

Заметив в западном углу растущей толпы сержанта Чарлза Кромптона, сидевшего верхом на пятнистом мерине, Фара направилась прямо к нему.

– Сержант Кромптон! – позвала она, положив руку на уздечку Хьюго. – Сержант Кромптон, могу я попросить вас помочь мне попасть в здание?

Сержант Кромптон, дородный мужчина лет сорока, хмуро посмотрел на нее сквозь щетиные усы, свешивавшиеся с лишних подбородков, образованных ремешком форменного шлема.

⁵ Историческое место Лондона, где находились главные западные ворота.

– Вы не должны пользоваться задним холлом в такие дни, как сегодня, миссус Маккензи! – крикнул он со спины своего беспокойного скакуна. – Старший инспектор отберет у меня жетон, не говоря уже о том, что и голову точно снесет.

– Да что тут происходит? – спросила Фара.

Ответ сержанта потонул во внезапном реве, пробежавшем над толпящимися телами. Фара развернулась как раз вовремя, чтобы увидеть тень человека, вошедшего в штаб-квартиру и направившегося к ведущей в подвал лестнице. Она не разглядела черт его лица, но успела заметить темные волосы, впечатляющий рост и длинные, уверенные шаги.

Короткое появление этого человека так раззадорило собравшихся, что из толпы бросили какой-то предмет в окно канцелярии.

Канцелярии, в которой она работала.

В одно мгновение Кромптон соскочил со своего коня и, подхватив Фару под локоть, вывел ее из толпы и повел к передней части здания, выходившего на площадь Уайтхолл.

– У нас там сам дьявол! – закричал он ей. – Я послал за полисменами с Боу-стрит и из полицейского участка района Сент-Джеймс, пусть помогут.

– Кто это был? – выкрикнула Фара.

Но как только она оказалась на углу Ньюбери и площади Уайтхолл, Кромптон оставил ее, чтобы вернуться к толпе, держа наготове дубинку на случай беспорядков.

Разгладив надетый поверх платья черный форменный жакет, Фара с удовлетворением подумала, что ей больше не приходится надевать мешающие под кринолином нижние юбки. Она просто не смогла бы их носить в постоянно уменьшающихся кабинетах Скотленд-Ярда, если бы одевалась по моде. Кивнув клерку в приемной уполномоченного по лицензированию, Фара пробралась по лабиринту коридоров и холлов к смежному входу в штаб-квартиру лишь для того, чтобы обнаружить, что столпотворение внутри Скотленд-Ярда едва ли было более управляемым, чем на улице.

Фаре доводилось оказываться в подобных ситуациях и раньше. Был ирландский бунт 68-го года, когда взрывчатка рванула рядом с парламентом, в двух шагах от Скотленд-Ярда, не говоря уже о постоянно перегораживающих дорогу преступниках, ворах и шлюхах, ежедневно разгуливающих по дому четыре на площади Уайтхолл. И все же, прокладывая себе путь локтями через приемную Скотленд-Ярда, Фара подумала, что не может припомнить, чтобы у нее на душе прежде бывало такое же ощущение неминуемой катастрофы. Тревожная дрожь пронзила ее, нарушая неизменное безупречное самообладание.

– Миссис Маккензи! – Фара услышала, как ее имя поднимается над гулом голосов констеблей, журналистов, преступников и инспекторов, толпившихся в заднем холле. Повернувшись, Фара увидела Дэвида Бошана, первого клерка, протискивавшегося к ней сквозь толпу по залу с приемными. Его худощавое, жилистое телосложение не соответствовало минимальным требованиям к офицерам Лондонского управления полиции, так что, к его нескончаемому сожалению, он был нанят только клерком.

Фара бросилась ему навстречу, то и дело извиняясь перед кем-то по пути.

– Мистер Бошан! – Она взялась за предложенный им локоть, и они вместе стали пробираться в относительную безопасность холла. – Вы не окажете мне любезность, сообщив, что тут происходит?

– Он попросил вас позвать, – сообщил Фаре Бошан с властным хмурым взглядом.

Фара сразу же поняла, кого он имеет в виду. Ее нанимателя, старшего инспектора сэра Карлтона Морли.

– Одну минуту, – отозвалась она, сняв шляпку и бросив ее на свой письменный стол. Фара поморщилась, увидев осколки оконного стекла на полу кабинета, но тут же почувствовала себя виноватой из-за чувства облегчения, охватившего ее, когда она поняла, что наибольший

вред был причинен столу мистера Бошана, потому что ее стол стоял ближе к двери. Эррол Картрайт, третий клерк, еще не пришел.

– Вам понадобятся ваши инструменты, – без всякой нужды напомнил ей Бошан. – Будет допрос. Я должен остаться здесь, общаться с прессой и координировать дополнительных бобби. – Таким прозвищем лондонцы окрестили местных полисменов, но Фаре показалось смешным услышать его от Бошана.

– Разумеется, – с кривой усмешкой произнесла она, собирая с собой ручку, чернильницу и блокнот из толстого пергамента, в котором она обычно делала заметки, записывала признания и показания преступников или полисменов под присягой. Игнорирование криков толпы под разбитым окном требовало стойкости, но она справилась. Ее кабинет был расположен достаточно высоко, так что они не смогли бы использовать ее голову в качестве мишени, а вот их головы находились в поле ее зрения. – Будьте добры рассказать мне, что за неразбериха тут происходит, – попросила она, казалось ей, уже в сотый раз.

Мистер Бошан самодовольно усмехнулся, наслаждаясь тем, что именно он первым сообщает Фаре новость.

– Это единственный человек, задержание которого может составить сэру Морли целую карьеру. Самый печально известный криминальный гений новейшей истории.

– Но вы же не хотите сказать, что это...

– Именно он, миссис Маккензи, – подтвердил ее невысказанное предположение Бошан. – Я могу иметь в виду только Дориана Блэквелла, Черное Сердце из Бен-Мора.

– Ничего себе! – выдохнула Фара, которой внезапно стало не по себе от того, что она будет находиться с этим человеком не только в одном здании, но и в одной комнате.

– Только, пожалуйста, не говорите мне, что вам грозит бухнуться в обморок или устроить еще какую-нибудь женскую истерику. Не знаю, заметили ли вы, но у нас тут разгар кризиса, и я не смогу прикрывать подобные женские штучки. – Бошан посмотрел на Фару с отвращением.

– Когда это вы видели, чтобы я падала в обморок? – нетерпеливо спросила она, засовывая блокнот под руку, в которой уже держала ручку и чернильницу. – В самом деле, мистер Бошан, *после всех этих лет!* – Взмахнув юбками, она пронеслась мимо него, обиженно хмурясь. И хоть он был первым клерком, то есть по должности старше ее, второго клерка, настало время ей захватить власть.

«Но сначала о главном». Расправив плечи, Фара подобрала юбки, чтобы спуститься по лестнице в подвал. Хоть падать в обмороки ей и не было свойственно, она почувствовала, что легкие сжались под корсетом сильнее обычного, а сердце затрепетало, как воробей, бьющийся о стенки грудной клетки в поисках выхода.

Дориан Блэквелл, Черное Сердце из Бен-Мора.

Несмотря на предчувствия, Фара осознавала, что принимает участие в чем-то беспрецедентном. Само собой, Блэквелла не раз арестовывали за годы его жизни, но каким-то образом ему всегда удавалось избежать тюрьмы и виселицы. Фара стала про себя повторять информацию, известную ей о Дориане Блэквелле.

Его повсеместная скандальная слава началась чуть больше десяти лет назад вместе с тревожащими и таинственными исчезновениями половины преступников, дела которых расследовал Скотленд-Ярд. Это имя всегда всплывало во время первоначального расследования и упоминалось в слухах, исходивших из наиболее опасных и коварных недр города – таких, как Флит-Дич, Уайтчепел и Ист-Энд.

«Черное Сердце». Злоумышленник нового, почти континентального вида, который безжалостно подчинил себе преступный мир Лондона, прежде чем кто-либо это осознал. И все с помощью несанкционированного проникновения и любопытной организации – составных частей хорошо обученной полиции.

Невероятное количество разыскиваемых воров, сутенеров, букмекеров, торговцев людьми, владельцев трущоб и правящих глав существующих криминальных предприятий также исчезали, но нередко вновь появлялись в Темзе в виде разбухших трупов.

Безмолвная, скрытая война бушевала в Восточном Лондоне, и только когда кровь переставала литься рекой, полиция что-то прознавала об этой войне. По мнению все более недостоверных источников, Черное Сердце заменял этих пропавших преступников на подлых агентов, преданных ему самому. Таких, которые сохраняли свои прежние должности, но внезапно становились богаче и более неуловимы для правосудия.

Если бы таинственный неизвестный по прозвищу Черное Сердце оставался в своей части Лондона, то, вероятно, его так и не стали бы преследовать чудовищно недофинансированные и перерабатывавшие полицейские силы. Но как только этот человек обеспечил себе полный контроль над грязными воровскими логовищами и игорными притонами, его фигура показалась из тени, грязи и крови того, что называли войной преступного мира.

И внезапно Черное Сердце обрел имя. Дориан Блэквелл. Это имя стало синонимом кровавой бойни совсем *другого* года. Денежной бойни. Полиция все еще пыталась связать случайных, казалось, людей, которых Блэквелл поднял или (и?) уничтожил с бездушной и продуманной оперативностью. Полями его сражений стали банки и залы заседаний, где росчерк пера или тихий скандал привели к гибели нескольких представителей лондонской элиты. Чтобы как-то обуздать растущий ужас, охвативший город от всех этих потрясений, он немного унял мрачные опасения, щедро жертвуя на благотворительность, особенно направленную на детей, спонсировал художников и исполнителей и стимулировал зарождающуюся экономику среднего класса несколькими весьма внушительными инвестициями. Чем и заработал себе у низшего и среднего сословий репутацию Робин Гуда.

Ходили слухи, что он был одним из самых богатых людей империи. У него был дом в Гайд-парке, огромное количество недвижимого имущества и другой собственности, либо инвестированной, либо захваченной при неудачных деловых сделках, и довольно известный замок на острове Малл, от которого он и получил вторую часть своего имени. Замок назывался Бен-Мор, уединенное место в горах, где, как говорили, он проводил большую часть времени.

Дойдя до сырого кирпично-земляного подвала, Фара проверила окно-иллюминатор сквозь защищавшие его железные прутья решетки и с огорчением увидела, что толпа удвоилась. Похоже, еще немного, и она дойдет до Чаринг-кросса. И что тогда? Фара ускорила шаг, не обращая внимания на возбужденные разговоры дюжины или около того полицейских, слонявшихся под лестницей возле железных дверей помещений для хранения улик, архивных записей и хозяйственного склада. Все их внимание было сосредоточено на одном. На забранной решеткой двери первой бронированной комнаты, из-за которой сквозь прутья доносились проклятья и безошибочно узнаваемые звуки ударов о человеческое тело. Все говорили о Блэквелле. Причем в некорректных выражениях. Пока Черное Сердце из Бен-Мора оставался таинственной публичной фигурой, все его деловые сделки в целом были законными, хотя часто неэтичными, и все же полиция могла оставить его со всеми его личными помыслами. Так происходило, пока таинственные исчезновения не начали терроризировать город. Несколько тюремных охранников. Полицейский сержант. Комиссар тюрьмы Ньюгейт. И – совсем недавно – судья Верховного суда лорд Роланд Филипп Кранмер-третий, один из самых влиятельных судей во всем королевстве. Если Фара что-то и понимала в этих делах, так это то, что ничто так не побуждало полицию к действию, как насилие по отношению к «своим». Фаре, конечно, было известно, что сэр Карлтон Морли преследовал Блэквелла с тех пор, как стал новым инспектором, а произошло это около десяти лет назад, и с тех пор эти двое играли в игру наподобие кошки-мышки, причем игра стремительно обострялась.

Старший инспектор несколько раз даже доводил Блэквелла до предъявления обвинений, но это было давным-давно, когда он работал в участке Уайтчепел. И все же Черное Сердце,

кажется, вызвал настоящую одержимость у ее нанимателя, и Фара задавалась вопросом, не удалось ли тому, наконец, загнать в угол свою добычу. Она искренне надеялась, что это так. Ее чувства к Карлтону Морли в последнее время стали гораздо более неопределенными. Даже сложными.

Запах под лестницей являл собою противоречивое сочетание приятного и отталкивающего. Манящие запахи бумаги, мускуса и холодной, плотно утрамбованной земли противостояли вездесущим запахам камня, железной бронированной комнаты и камер, которые становились все более невыносимыми, чем дальше кто-то рисковал зайти туда. Запахи тел, мочи и прочих нечистот, как всегда, оказались оскорбительными для ее чувств, пока она по привычке не абстрагировалась от них, чтобы выполнить свою работу.

– Я удивлен, что Бошан позволил вам прийти сюда, миссис Маккензи. – Эван Мактавиш, невысокий, но крепкий шотландец, давно служивший инспектором, приподнял форменную фуражку, когда она остановилась у двери. Они хорошо ладили, так как работники Скотленд-Ярда знали, что ее умерший муж тоже был шотландцем. – Мы ведь не каждый день ловим кого-то столь же опасного, как Черное Сердце из Бен-Мора. Он, вероятно, забыл об уважении к вам. – Опасный огонек вспыхнул в голубых глазах Мактавиша.

– Я ценю вашу заботу, мистер Мактавиш, но я давно занимаюсь такими делами и уверена, что слышала уже все. – Наградив красивого, медноволосого шотландца уверенной улыбкой, Фара вынула из кармана юбки ключи, отпирающие дверь комнаты для допросов.

– Имейте в виду, мы будем здесь, если вдруг вы попадете в опасность или вам что-то понадобится, – чуть громче проговорил Мактавиш, возможно, как для того, чтобы предостеречь находящихся в комнате, так и для собственного спокойствия.

– Спасибо вам, инспектор, за все. – Фара напоследок благодарно улыбнулась ему и вошла в допросную.

Запах в бронированной комнате стал еще сильнее, и Фара поднесла к лицу кружевной носовой платочек, пропитанный лавандовым маслом, который всегда носила в кармане. Она хотела дожидаться, пока обычный приступ тошноты пройдет, а уж потом оглядеть присутствующих в комнате.

Подняв наконец взгляд, она застыла на месте при виде открывшейся ей картины.

Старший инспектор сэр Карлтон Морли был в одной рубашке с закатанными до локтей рукавами. Его ухоженные руки были опущены, на костяшках пальцев багровела кровь, а обычно причесанные волосы были всклокочены.

Крупный темноволосый мужчина сидел на единственном стуле в центре комнаты со скрещенными за спиной руками; его поза была обманчиво расслабленной.

Они оба тяжело дышали, потели и истекали кровью, но не это больше всего поразило Фару. Не это, а почти одинаковое выражение их лиц, когда они посмотрели на нее. Их взгляды были полны удивления и тоски, к которым примешивалось что-то едва сдерживаемое... Голод?

Неистовство повисло в вибрирующем между ними пространстве, оно было физически ощутимо, но когда узник начал рассматривать ее, все вдруг замерло и утихло.

Фара когда-то была очарована экзотическими хищниками, увидев их прикованными в больших клетках на Всемирной выставке в Ковент-Гардене. Она стала читать о них и узнала, что большие кошки вроде львов и ягуаров, охотясь, могут стать невероятно тихими. Они прячут пугающе мощные тела в тени, за деревьями или в высокой траве и замирают таким образом, что их добыча может пройти мимо, даже не осознавая, что хищник готов вот-вот наброситься на нее и перегрызть ей глотку. Пока не стало слишком поздно.

Она одновременно жалела и боялась их. Конечно, такие подвижные и сильные животные ничего не могли сделать ей, будучи прикованными в маленьких клетках, так что им оставалось только ненавидеть, слабеть и наконец умирать. Фара наблюдала за особенно темным ягуаром, который метался за решеткой, делая каких-то жалких четыре шага в каждую сторону, а его

желтые глаза обещали возмездие и боль этим ярко одетым массам, которые пришли поглазеть на него. Их взгляды встретились. Фары и хищника. И он продемонстрировал ей эту невероятную неподвижность, когда, ни разу не моргнув, целую вечность удерживал ее взгляд. Она была зачарована этим зверем, а по ее щекам катились горячие слезы. В его глазах она увидела отражение страшной участи, которую он уготовил ей. Ягуар отметил ее как добычу, как самую слабую и лакомую жертву среди толпы, проплывавшей мимо них. И в это мгновение она ощутила благодарность за то, что проклятые цепи удерживают хищника на месте.

Именно эта тревожащая неестественность охватила ее сейчас, когда она встретила глаза с таким непонятным взглядом Дориана Блэквелла. На его лице застыло выражение жестокой безжалостности. В его единственном здоровом глазу горел тот самый янтарный огонек, который она видела в глазах ягуара. Мерцающий свет лампы отражался золотом на его блестящей коже. Правда, внимание Фары привлек другой его глаз. Начинаясь над бровью и заканчиваясь на переносице острого носа, его лицо уродовал неровный, сердитый шрам, прерываемый лишенным всех пигментов, кроме голубого, глазом, и все из-за раны, что бы ни стало ее причиной.

И в самом деле, он прожигал ее взглядом, как хищник, узнавший свою любимую еду и поджидавший в засаде, пока она, себе на беду, не подойдет слишком близко. Его щека была рассечена, и кровь стекала по ней вдоль его резко очерченной мужественной скулы; еще одна струйка крови капала из его правой ноздри.

Затаив дыхание, Фара оторвалась от интригующего взгляда узника и поискала глазами знакомые аристократические и красивые черты ее работодателя.

Сэр Морли, человек вообще-то сдержанный, казалось, хватался обеими руками за конец изношенной веревки, чтобы удержать самообладание. Совсем не в духе Морли было бить арестованного со скованными за спиной запястьями.

– Вижу, вы пришли подготовленной, – бросил он. Его тон никак не вязался с мерцанием тепла и тоской в его глазах, когда он коротко ей кивнул.

– Да, сэр. – Фара заставила себя встряхнуться и устремила взгляд на письменный стол в конце комнаты, надеясь, что дрожащие ноги донесут ее до него и она не уронит чего-нибудь по пути или сама не свалится. Она скрыла свое замешательство под тщательно подобранной маской безмятежности, когда стук каблучков ее ботинок резким эхом отозвался от стен бронированной комнаты.

– Как бы я ни одобрял смену вами тактики, Морли, размахивание передо мной этим лакомым кусочком все же не принесет желаемого эффекта. – Голос Блэквелла доносился до нее как первые нежеланные покалывания мороза зимой. Глубокий, гладкий, едкий и горький – как холод. Несмотря на это, его произношение было на удивление правильным, хотя глубоко скрытого в его языке акцента с протяжными, твердыми «р» было достаточно для того, чтобы намекнуть, что Черное Сердце из Бен-Мора мог родиться и не в Лондоне.

Его шея повернулась на мощных плечах, когда он следил за ее продвижением к письменному столу, стоявшему по диагонали позади него. Он не оторвал от нее тревожных глаз, даже обращаясь к Морли:

– Предупреждаю, что более жестокие мужчины, чем вы, пытались выбить из меня признания, и более красивые женщины, чем она, пытались обольстить меня, чтобы выманить мои тайны. Но ни тем ни другим это не удалось.

Стул за столом двинулся навстречу Фаре раньше, чем она ожидала, и она рухнула на него, едва не уронив все, что сжимала в руках. Несказанно радуясь тому, что сидит позади Блэквелла и он не видит ее смущения, Фара раскрыла перед собой блокнот, неуверенной рукой разгладила страницы и, как полагается, поставила перед собой чернильницу с ручкой.

– Блэквелл, вы узнаете, что нет более жестоких мужчин, чем я, – усмехнулся Морли.

– Сказала муха пауку.

– Но если я – *муха*, то как вы попали в мою паутину?

Морли кружил вокруг Блэквелла, дергая наручники, сковывавшие тому руки за спиной.

– Вы уверены, что верно понимаете происходящее здесь, инспектор? Вы уверены, что это вы используете меня в своих интересах? – Блэквелл по-прежнему держался невозмутимо, но Фара заметила, что его широкие плечи под отлично сшитым сюртуком напряглись, а по виску и за подбородком заструились ручейки пота.

– Я знаю, что это так, – ответил Морли.

Глухой смешок Блэквелла снова напомнил Фаре о темном ягуаре.

– «Настоящее знание – это знать степень своего невежества», – проговорил Блэквелл.

Этот мужчина цитировал Конфуция? Как несправедливо, что такой человек, как он, мог быть таким умным, опасным, богатым, могущественным и эрудированным.

Фара сдержала вздох, а затем, встревоженная собственной реакцией на Дориана Блэквелла, приосанилась и взяла в руку перо, готовая быстро заполнить листок стенографическими значками.

– Довольно! – Морли подошел к ней. – Вы готовы к началу допроса, миссис Маккензи?

Ее имя прожужжало в комнате, как залетевшее туда случайно насекомое, ударились о сталь и камень и эхом вернулось к прикованному посередине комнаты человеку.

– *Маккензи*.

Фара не была полностью уверена в этом, но ей показалось, что имя было поглощено этим человеком, а затем произнесено им. Но, посмотрев сквозь ресницы на Морли, она поняла, что он, кажется, ничего не заметил.

– Конечно, – ответила она и демонстративно обмакнула перо в чернильницу.

Морли повернулся к Блэквеллу, на его квадратном лице появилось выражение мрачной решимости.

– Скажите мне, что вы сделали с судьей Кранмером? И не трудитесь отрицать, что это были вы, Блэквелл. Мне известно, что он был магистратом, который приговорил вас к заключению в тюрьме Ньюгейт пятнадцать лет назад.

– Да, это так. – На лице Блэквелла и мускул не дрогнул.

Пятнадцать лет назад в Ньюгейте? Голова Фары рывком поднялась вверх, ее ручка громко царапнула стол. Не может быть, что он был там, когда...

– И эти пропавшие тюремщики, – продолжал Морли. Его голос стал громче, отчаяннее. – Должно быть, именно они караулили вас в камере, пока вы там сидели.

– Неужели?

– Вам это отлично известно, черт побери!

Блэквелл беспомощно приподнял плечо, словно желая сказать: «Я бы помог вам, если бы мог», – что привело Морли в безграничную ярость.

– Все вы, бобби, для меня на одно лицо, – заметил узник. – Эти нелепые усы и дурацкие шляпы. Вас почти невозможно отличить друг от друга, даже если бы я захотел.

– Слишком много совпадений на этот раз, чтобы суды проигнорировали их! – торжествующе промолвил Морли. – Всего лишь дело времени, когда вы запляшете на конце веревки, свешивающейся с виселицы перед Ньюгейтом, той самой тюрьмой, из которой вы ускользнули.

– Подтвердите, что у вас есть хоть какая-то улика. – Мягкое возражение Блэквелла было пронизано сталью. – А еще лучше, приведите хоть одного свидетеля, который решится дать против меня показания.

Морли так и ходил вокруг западни.

– Всею Лондону известно о вашей склонности к быстрой и жестокой мести. Да я мог бы выбрать на улице любого слабоумного, и он протянул бы руку к богу и поклялся, что это вы прикончили судью, который приговорил вас к семи годам тюрьмы.

– Мы с вами оба знаем, что для того, чтобы осудить такого, как я, потребуется нечто большее, чем ересь и репутация, Морли, – насмешливо произнес Блэквелл. Вывернув шею, чтобы посмотреть на Фару здоровым глазом, он обратился прямо к ней, отчего у нее сжался желудок, а кулаки затряслись еще сильнее: – Добавьте мое торжественное признание в протокол, миссис Маккензи, и отметьте, что я клянусь в его абсолютной правдивости.

Фара ничего не сказала в ответ, как всегда продемонстрировав свой профессионализм узнику, игнорируя его. Хотя, конечно же, он безраздельно владел ее вниманием. Это лицо. Это дикарское, мужественное лицо.

Сплошные углы, интриги и тьма. Красивое, если бы не шрам и этот поразительно голубой глаз, казавшийся ей одновременно неотразимым и отталкивающим.

– У меня, Дориана Эверетта Блэквелла, никогда не было эмоциональной несовместимости с верховным судьей лордом Роландом Филиппом Кранмером-третьим. Я был виновен в мелкой краже, за что он приговорил меня к семи годам заключения в тюрьме Ньюгейт, и я торжественно клянусь, что усвоил полученный урок. – Разумеется, это было сказано ироничным тоном, что заставляло усомниться в правдивости каждого его слова.

Фара была в состоянии смотреть только на него, она полностью сосредоточилась на том, чтобы понять, что он хочет до нее донести, прожигая ее полным непонятного и тревожного отчаяния взглядом одного здорового глаза. Ей казалось, что сам дьявол одновременно играл с ней и пытался о чем-то предупредить.

– Вы ведь понимаете, не так ли, миссис Маккензи? – тихо проговорил Блэквелл, едва шевеля жесткими губами, в то время как сила его взгляда пригвоздила ее к месту. – Прodelки своенравного юнца.

Дрожь опасности пробежала по ее позвоночнику.

– Дерьмо лошадиное! – взревел Морли.

Дориан снова повернулся к инспектору, черные чары, которыми он окутал ее, развеялись, и Фара наконец смогла выдохнуть, хотя даже не заметила, что задерживала дыхание.

– Какой стыд, Морли, – насмешливо обратился к инспектору Блэквелл. – Так разговаривать в присутствии леди?

– Она моя служащая, – процедил сэр Морли сквозь зубы. – И я буду вам благодарен, если вы перестанете донимать ее, если хотите сохранить зрение единственного зрячего глаза.

– Я просто не могу удержаться. Такая зрелая, привлекательная штучка.

– Прикуси. Свой. Язык.

Фара никогда не видела сэра Морли в таком гневе. Он оскалился. На его лбу запульсировала вена. Это был человек, с которым она раньше не встречалась.

– А скажите мне, Морли, – спокойно, но безжалостно продолжал Блэквелл, – сколько времени она проводит за своим письменным столом, а сколько – под вашим, прижимая губы к вашему...

Взорвавшись, сэр Морли всадил кулак в лицо Дориана Блэквелла с такой силой, какой Фара в нем и не подозревала. Голова Блэквелла дернулась в сторону, в уголке его нижней губы появился сердитый разрыв. Но, к изумлению Фары, этот большой, темный человек не издал ни единого звука от боли, даже не застонал. Он просто вновь поднял голову, чтобы посмотреть в лицо стоявшего перед ним разъяренного инспектора.

Сэр Морли посмотрел на Фару поверх эбеново-черных волос Блэквелла, и в его взгляде промелькнул отблеск стыда.

– Собирайте свои вещи, миссис Маккензи. Вы свободны. – Его голубые глаза полыхнули ожидаемым гневом, когда он вновь посмотрел на узника. – Вам ни к чему это видеть.

Фара внезапно встала, ее стул резко заскрежетал, когда она стала возражать:

– Но, сэр... я... я не думаю...

– Уходите, Фара! Немедленно! – скомандовал инспектор.

Едва дыша, Фара собрала бумагу, ручку и чернильницу, удивляясь тому, что дрожащие, холодные руки выдают ее. Когда она проходила мимо Дориана Блэквелла, он повернулся в ее сторону, выплюнул полный рот крови на камни рядом с собой, хотя та и не попала на подол ее юбок.

– Да, Фара Маккензи, вы *должны* бежать. – Его голос был таким беспощадным и холодным, что Фара решила, будто это разум подшучивает над ней. И что, когда он произнес ее имя, она могла вообразить, будто в его речи прозвучали какие-то теплые, узнаваемые нотки. – А мы тут побудем еще немного.

Охнув, она повернулась к нему, но, к ее удивлению, Блэквелл не смотрел ей вслед. Вместо этого он поднял лицо к Морли, стоявшему над ним с опущенными по бокам руками, сжатыми в кулаки.

Улыбка Дориана Блэквелла, полная крови, зубов и откровенного вызова, была самым пугающим из всего, чему Фара стала свидетельницей в своей жизни.

Его глаза были мертвыми, в них не было ни капли надежды или человечности, молочно-голубой оставался совершенно неподвижен, лишь пляшущий отблеск огня факела придавал ему неестественный языческий блеск.

Отвернувшись от этого зрелища, Фара вырвалась из допросной и прошла мимо молчаливых инспекторов, следивших за ней с пристальным вниманием. Это отняло у нее все силы, но она сдерживала дрожь, пока не осталась одна.

Глава 3

Три ночи спустя инспектор Эван Мактавиш чиркнул спичкой по серым камням церкви Сент-Мартин-ин-зе-Филдз и, прислонившись спиной к задней части здания, подкормил тлеющий уголек своей потрепанной сигары. Оглядев тени Данканнон-стрит, он подумал, что раз уж он завершил встречу, то можно нанести визит в заведение мадам Реджины на Флит-стрит. Как всегда после этих тайных встреч, инспектору так и хотелось порадоваться жизнеутверждающему ощущению, что он избежал смерти. Понадобится два-три визита к проститутке, чтобы снова стать самим собой.

– Думаете об этой новой парижской юбке у мадам Реджины? – От звука голоса, преследовавшего Мактавиша в ночных кошмарах, он едва не выпрыгнул из своей кожи.

– Господи Иисусе, Блэквелл! – прохрипел он и, раздраженно хмурясь, подобрал с сырой земли упавшую сигару. – И как только человек вашего размера может пробираться в тени, не издавая ни звука?!

Если бы у Мактавиша был выбор, он хотел бы никогда больше не видеть оскал Черного Сердца из Бен-Мора, потому что еще несколько часов спустя тонкие волоски на его теле продолжали стоять дыбом от ужаса.

– Отличная работа, – заметил Блэквелл. – Вы превосходно выполнили приказы.

– Это оказалось непросто, – проворчал Мактавиш, которому было трудно смотреть на поразительно расчетливое выражение жестоких черт Блэквелла. – Распустить вашу шайку, тайком пронести записи в вашу камеру, да еще пытаюсь скрыть это от всего участка. Вам повезло, что я – не единственный преданный вам человек в Скотленд-Ярде.

Если смотреть в лицо Блэквеллу было трудно, то встретиться с его жутким, испытующим взглядом было почти невозможно. Никто не знал, насколько хорошо видел голубой глаз Черного Сердца из Бен-Мора, но когда он устремлял его на человека, у того появлялось ощущение, будто с него содрали кожу и обнажили самые страшные его грехи.

– У меня много разных качеств, инспектор, но везение никогда не было одним из них.

Мактавишу пришло в голову, что хотел бы он быть таким же *невезучим*, как этот безупречно одетый мерзавец перед ним. Богатый, как Мидас, как о нем говорили, могущественный, как Цезарь, и безжалостный, как дьявол. Да, у него не было красивого лица, которое восхищало бы женщин, но тем не менее Дориан Блэквелл привлекал женское внимание, где бы ни появлялся. Страх и очарование – давнее и мощное орудие обольщения, и женщин тем или иным образом влекло к темному гиганту.

– Все-таки зачем вы это сделали? – поинтересовался Мактавиш. – Зачем призвали своих людей к бунту лишь для того, чтобы прогнать их?

Проигнорировав вопрос, Блэквелл сунул руку в карман своего черного пальто и вытащил оттуда золотой цилиндр. Из него он достал новехонькую сигару и вручил ее Мактавишу, который мгновение таращил на нее глаза, надеясь, что проживет достаточно долго, чтобы выкурить ее.

– Благодарю вас, сэр, – задумчиво произнес он, взяв сигару и поднеся ароматное сокровище к усам, прежде чем откусить кончик. Блэквелл рукой в перчатке зажег спичку, и Мактавиш с усилием заставил себя придвинуться ближе, чтобы раскурить сигару. Его желание было выполнено, однако он был уверен, что у него больше никогда в жизни не будет повода для такого дорогого удовольствия. – Вам только придется скрываться от верховного судьи Синглтона, и можете гулять по улицам, как бродячая кошка. У Морли ничего против вас нет.

– Знаю.

Пламя свечи осветило черты Блэквелла, и Мактавиш сочувственно поморщился.

– Да уж, он хорошо поработал над вашим лицом. – Инспектор заметил заживающую губу и многочисленные синяки на скулах Блэквелла. – Какую бы обиду он против вас ни держал, она очень сильная.

– Если учесть, как в полиции избивают людей, это можно счесть пустяком, – произнес Блэквелл почти добродушно.

Мактавиш побледнел.

– Позвольте мне первым принести извинения за...

Блэквелл поднял руку, призывая инспектора к молчанию.

– Мне нужна кое-какая информация, прежде чем я вам заплачу, – сказал он.

Выдохнув свой маленький кусочек рая, Мактавиш согласно кивнул.

– Все что угодно.

Черное Сердце наклонился ближе к нему.

– Расскажите мне *все*, что вам известно о миссис Фаре Маккензи.

Затянувшись, Мактавиш уточнил:

– О миссис Маккензи, клерке?

Блэквелл был спокоен и молчалив, но его странный взгляд можно было интерпретировать даже в темноте.

Озадаченный, Мактавиш почесал затылок, пытаясь сообразить, что бы такого интересного можно было рассказать об этой женщине.

– Она работает здесь, сколько мы себя помним. Она пришла даже раньше меня, хотя я служу в Скотленд-Ярде уже семь или восемь лет. Но, честно говоря, если подумать, я не так уж много знаю о ней. Работает она хорошо, ее любят, но держится она особняком. Спокойная. И это редкая и достойная похвалы женская черта, насколько подсказывает мне опыт. Вкалывает больше, чем два других клерка, но платят ей меньше.

– Какого рода работу Морли заставляет ее выполнять?

– О, да обычную работу, какую выполняют клерки! Бухгалтерия, записи, делопроизводство, поставки, заказы курьерам, оформление документов в суде и так далее.

Блэквелл оставался неподвижным. Безучастным. Но Мактавиш снова почувствовал, что волосы на его шее встают дыбом. Он был обучен понимать, что у людей на уме, и хотя Черное Сердце из Бен-Мора оставался для него загадкой, инспектор заметил, что руки того в перчатках сжались чуть сильнее.

– Ее муж?

– Поверите ли, шотландец!

– Что вам о нем известно?

– Да почти ничего. Говорят, она рано вышла замуж, и он очень давно умер.

– И-и?.. – подсказал Блэквелл, проявляя больше нетерпения, чем Мактавиш ожидал от него.

Мактавиш пожал плечами. Он был заинтригован, однако понимал, что лучше не показывать этого.

– В общем-то, это все, что нам известно, если подумать. Естественно, за долгие годы мы обсуждали ее между собой, но миссис Маккензи никогда не проявляла желания говорить об этом, а спрашивать леди о таких вещах невежливо.

– А она... у нее есть романтические отношения с кем-то из мужчин, работающих в Скотленд-Ярде?

Мактавишу это предположение показалось настолько нелепым, что он рассмеялся.

– Если бы она не была такой хорошенькой пташкой, многие из нас забыли бы даже о том, что она женщина.

– Стало быть... никого?

– Ну-у, ходят слухи, что она все чаще ходит куда-то вечерами с сэром Морли.

Мужчины одновременно плюнули на камни при упоминании старшего инспектора, а разбитая губа Дориана скривилась от отвращения.

Мактавиш застыл. Было в нарастающей интенсивности вопросов Блэквелла что-то такое, от чего сердце инспектора забилося быстрее.

– Думаю, он вынюхивает не те юбки, которые ему нужны, – поспешил сказать Мактавиш, взмахивая рукой, как будто это не имело никакого значения.

Блэквелл проницательно посмотрел на него здоровым глазом.

– Что вы хотите этим сказать?

– М-м-м, с одной стороны, она безупречная, достойная вдова, но я не знаю мужчины, который захотел бы иметь дело с такой.

– С какой «такой»?

– Ну, знаете... Таких называют «синими чулками». Холодная. Пуританка. Э-э... фригидная, сказали бы некоторые. К тому же ей ближе к тридцати, а не к двадцати, и хотя у нее лицо ангела, уложить ее в постель хочется не больше, чем ежа, если вам интересно мое мнение.

– Если бы меня *интересовало* ваше мнение, Мактавиш, я бы так прямо и сказал.

– Что ж, это справедливо. – Сердце Мактавиша уже колотилось как бешеное, и он пыхтел сигарой, с каждой затяжкой надеясь, что она не станет последней. Чего Блэквелл хочет от Маккензи? Получить доступ к записям? Документам? Или речь о взяточничестве? Не мог же он в нее влюбиться. Таких мужчин, как Дориан Блэквелл, не привлекают столь прямолинейные женщины, как Фара Маккензи. По городу ходили слухи, что он нанял множество экзотических иностранных куртизанок и поселил их в своем особняке, устроив там настоящий частный гарем. Что может утратившая цвет юности вдовушка Маккензи предложить такому мужчине, как он?

– Где она живет? – спросил Блэквелл.

Мактавиш пожал плечами.

– Не знаю точно. Кажется, я слышал, что где-то на Флит-стрит, в богемном секторе.

Ноздри Блэквелла раздувались от учатившегося дыхания, он довольно долго молчал, прежде чем Мактавишу показалось, что он слышит его шепот:

– Все это время...

– Прошу прощения?

– Нет, ничего.

Черное Сердце из Бен-Мора казался... потрясенным, другого слова не подобрать. Мактавиш не мог поверить своим глазам.

– Вот вам за ваши услуги и постоянную осмотрительность. – В ладонь инспектора была вложена банкнота.

Мактавиш опустил глаза и от потрясения едва не уронил вторую сигару.

– Но... это же половина моего годового жалованья!

– Знаю.

– Я не могу это взять. – Мактавиш попытался вернуть деньги Блэквеллу. – Я не сделал ничего, чтобы столько заработать.

Дориан Блэквелл отступил назад, избегая банкноты и любого физического контакта.

– Позвольте мне дать вам вместе с этой купюрой несколько бесплатных советов, Мактавиш. – Удивительно, что звучание его жестокого, холодного голоса нисколько не изменилось, но угроза в нем ощутимо усилилась. – Угрызения совести – опасная вещь для таких людей, как вы. Если я не смогу доверять вашей алчности, то не смогу доверять вам вообще ни в чем. А если я не буду вам доверять, то ваша жизнь не будет стоить для меня ничего.

Мактавиш прижал банкноту к груди.

– Вы правы, Блэквелл. Поблагодарю-ка я вас за вашу щедрость и пойду своей дорогой. – Если бы только ноги не дрожали так сильно, чтобы его нести.

Кивнув, Блэквелл надел эбеново-черную фетровую шляпу, тень от которой скрывала его глаза от любого света, и повернул на Стрэнд.

– Хорошего вечера, инспектор. Передайте мадам Реджине мое почтение.

Казалось, этот человек прочел его чертовы мысли. По глупости Мактавиш решил, что его привычки слишком мало значат в списке важных дел Блэквелла, чтобы тот обратил на них внимание. Когда вы шантажируете герцогов и подкупаете судей, как можно помнить о склонностях одного из сотен работающих на вас полисменов? Но не успел Мактавиш остановить себя, как его охватили угрызения совести.

– Вы ведь не сделаете ей ничего плохого, а? – окликнул он Блэквелла. – Я имею в виду миссис Маккензи.

Тот медленно обернулся, открыв взору Мактавиша свой неестественно голубой глаз.

– Вы же знаете, что лучше не задавать мне вопросов, инспектор.

Сглотнув, Мактавиш стянул с головы котелок и стал мять в руках его поля.

– Простите меня... Просто... Ну, она... действительно нежная и добросердечная птичка. Я бы не смог жить с осознанием того, что был как-то причастен... к чему-то... неприятному для нее.

Казалось, что воздух вокруг Блэквелла потемнел, словно тени собрались вокруг, чтобы укрыть его.

– Если угрызения совести слишком беспокоят вас, Мактавиш, то для жизни есть альтернатива... – Черное Сердце сделал угрожающий шаг по направлению к нему, и Мактавиш отскочил назад.

– Нет! Нет, сэр! Я не встану у вас на пути! У меня и в мыслях не было проявлять к вам неуважение.

– Очень хорошо.

– Я... я не усомнился в вас. Просто... не у всех такое черное сердце, как у вас.

Блэквелл сделал еще один шаг, и Мактавиш зажмурился, уверенный, что пришел его конец. Но Блэквелл не убил его, и инспектор услышал лишь спокойный и холодный шепот, который коснулся его, как дыхание проклятия:

– А вот тут вы ошибаетесь, инспектор. Каждый человек может иметь такое сердце, как у меня. Ему просто нужно дать подходящий... стимул.

Трясаясь, Мактавиш снова нахлобучил котелок на голову.

– Д-да, сэр. Но я бы не хотел получить такой стимул, если у вас есть такая цель.

Жестокое, хищное удовольствие полыхнуло в глазах Блэквелла, и в этот момент Мактавиш возненавидел мерзавца за то, что тот таким образом его разоблачил.

– Подойдите ближе, Мактавиш, и я открою вам один секрет. Кое-что обо мне, что знает только несколько человек.

Не было на свете ни единого живого человека, который хотел бы быть посвященным в тайны Дориана Блэквелла. Потому что за такие тайны убивают.

Инспектор шагнул в сторону темного великана.

– Д-да?

– *Никому не нужен такой стимул*, инспектор. Даже мне.

Быстро моргая, Мактавиш кивнул, глядя вслед Дориану Блэквеллу, растворившемуся в тумане и тенях лондонского вечера.

Инспектор был уверен, что сбежал не только от смерти, но и от самого дьявола.

Глава 4

Фара любила вечерний Лондон. Она смешивалась с представителями высшего света в Ковент-Гардене, посещала лекции, концерты и вечеринки вместе с временной компанией писателей, которые приезжали в Англию на такой срок, чтобы успеть впасть в уныние, и возвращались в Париж, чтобы об этом написать. Сегодня она надела новое, роскошное шелковое платье-полонез цвета морской волны поверх особенно пышных нижних юбок, украшенных лентами, в знак уважения к своим планам посмотреть последнюю постановку Тома Тейлора в сопровождении Карлтона Морли. Охваченная порывом безрассудства, Фара стянула вниз пышные и прозрачные рукава, обнажая ключицы и верхнюю часть плеч.

Как только часы пробили шесть, она встала из-за своего рабочего стола, стряхнула с себя строгий жакет и заменила его на шаль с мягкими складками и белые шелковые перчатки. Картрайт, новый клерк, который был по крайней мере на пять лет младше Фары, смотрел на нее с нескрываемым восхищением.

– Ни разу не видел на вас одежды такого цвета, мисс Маккензи. Он отлично подходит к вашим глазам, если вы не против того, чтобы я это сказал.

– Благодарю вас, мистер Картрайт. – Фара улыбнулась, не в силах сдержать легкую дрожь удовольствия, вызванную его словами.

– Вы так выглядите, что сэр Морли встанет перед вами на одно колено, прежде чем вечер закончится, – продолжал Картрайт, поглаживая тонкие золотистые усики, дразнившие его верхнюю губу, как будто он все еще был в восторге от того, что смог их отрастить. – Если Морли этого не сделает, позовите меня, и, быть может, меня можно будет уломать расстаться с желанным статусом холостяка.

Удовольствие исчезло, но Фара заставила себя улыбнуться шире.

– Мне никогда и в голову бы не пришло сотворить такую трагедию, мистер Картрайт. Я, в свою очередь, не имею ни малейшего желания становиться для любого мужчины «бедой и раздором». – Теребя край перчатки, она нарочно употребила эти слова, как называли жену на кокни⁶. Фаре все больше надоедало, что почти все, кого она знала, считали ее давний статус вдовы таким жалким. За последние десять лет многие мужчины предлагали ей стать им женой лишь потому, что их совесть не могла смириться с тем, что она живет и спит одна. Чтобы отвести их, Фара почти четыре года носила черные траурные платья, пока не достигла такого возраста, когда ее стали считать не привлекательной для роли супруги. Через некоторое время все успокоилось, и ей посчастливилось работать в среде, где все мужчины были либо женаты, либо твердо отвергли для себя институт брака. И это вполне устраивало Фару, потому что она испытывала такое же разочарование в идее выйти замуж. Ее состояние, пусть и весьма скромное, оставалось ее собственностью. Как и ее время, развлечения, мнения и, что самое важное, воля. Будучи вдовой среднего класса все более и более почтенного возраста, Фара могла позволить себе такие социальные свободы, о которых большинство женщин могли только мечтать. Она никогда не нуждалась в компаньонке, ей были дозволены самые неблагородные компании, и она даже могла бы завести себе любовника, если бы захотела, и никто, кроме разве викария, глазом бы не моргнул.

Нет, короткое и трагичное столкновение Фары с браком, похоже, было единственным в ее жизни. И это к лучшему, считала она, потому что у нее были более неотложные дела, которыми она могла занять свое время, среди которых не последнее место занимали поиски справедливости.

⁶ Просторечный диалект английского языка, развившийся в восточной части Лондона, Ист-Энде, среди низших и средних слоев населения.

Решительно отогнав от себя приступ меланхолии, Фара пожелала Картрайту хорошего вечера и направилась в быстро пустеющую приемную Скотленд-Ярда. Сержант Кронтон и дежурный сержант Уэстридж тихо присвистнули, когда она вышла из своего кабинета.

– Выглядит так, точно ее собираются представить самой королеве! – проревел Кронтон, лицо которого покраснело от холода во время полуденного обхода реки.

– Джентльмены! – Рассмеявшись, Фара сделала перед ними глубокий безупречный реверанс.

– Нечего приседать перед ними, миссус Маккензи! – с развязным добродушием обратилась к ней Джемма Уорлоу, уличная шлюха, работавшая в доках. – Они недостойны чистить ваши туфли!

– Заткни свою глотку, Уорлоу! – рявкнул Кронтон, но в его голосе не было настоящей враждебности.

– Сам заткни свою, сержант! – огрызнулась Джемма, потрянув грязно-русскими волосами. – Если только у тебя в штанах хватит сил дотянуться до моего горла.

Повернувшись к огороженному пространству посреди приемной, Фара обратилась к Джемме.

– Мисс Уорлоу, что вы тут делаете? – приветливо спросила она. – Разве я не устроила вас в исправительное заведение?

– Друтерз разыскал меня и приволок обратно на пристань. Меня забрали за то, что я трахалась во время торгов. – Джемма пожала плечами, как будто это не имело значения. – Вы были очень добры ко мне, миссис Маккензи, но я должна была понять, что так просто он меня не отпустит.

Эдмонд Друтерз был сутенером и организатором игр, который безжалостно управлял торговлей пороками в доках. Его страсть к жестокости уступала лишь его жадности.

– О Джемма! – Подойдя к проститутке, Фара взяла ее за руку. – Что же нам с этим делать? Наручники Джеммы загремели, когда она отдернула свои руки от Фары.

– Не испачкайте свои чудесные перчатки цвета белых лилий, – предостерегла она Фару с веселой улыбкой, растянувшейся на ее румяных щеках.

Джемма, должно быть, была ровесницей Фары, но годы оказались не так милостивы к ней, поэтому она выглядела лет на десять старше. Глубокие борозды расходились от ее глаз, а обветренная кожа туго обтягивала мелкие кости.

– Скажите мне, куда это вы собрались в таком красивом платье?

Фара попыталась за улыбкой скрыть печаль и беспокойство за женщину.

– Этим вечером я иду в театр в сопровождении джентльмена, – ответила она.

– Ну разве это не грандиозно! – В глазах женщины сверкнуло неподдельное удовольствие. – И что же за счастливчик будет вас сопровождать?

– Этот счастливчик – я. – Карлтон Морли появился рядом с Фарой. При виде ее его голубые глаза засияли под полями вечерней шляпы.

– Вот что! – громко воскликнула Джемма. – Ну разве это не самая красивая пара в Лондоне? – обратилась она к компании пьяниц, воров и других проституток, ожидавших за перегородкой своей очереди в камеру.

Все согласно закивали.

– Ну что, пойдём? – Морли, великолепный в своем вечернем сюртуке, предложил Фаре руку, и та приняла ее с довольной улыбкой.

Но прежде чем уйти, она снова обратилась к Джемме:

– Пожалуйста, будьте осторожнее. Завтра утром мы попробуем разобраться в вашей ситуации.

– Ни минуты обо мне не думайте и не беспокойтесь, миссус Маккензи! – настойчиво проговорила женщина, закутывая тощие плечи в красную изношенную шаль. – А я в кои-то веки проведу ночь и засну на спине!

Как офицеры, так и преступники разразились хохотом, а Фара с Морли вышли на улицу и направились в сторону Стрэнда. Некоторое время они шли молча, разгоняя ногами жидкий туман, который, клубясь, поднимался с реки и прятал ноги от глаз. Газовые светильники и фонари сдерживали унылый сумрак и придавали серой мгле золотистый отблеск. Вечер был наполнен музыкой и весельем, но Фаре казалось, что они находятся в стороне от всего этого. Вместо того чтобы быть ослепленными яркими красками и веселой музыкой, они смотрели, как уличные сорванцы снуют между ног богатеев, а нищие тянутся к бездушным и безучастным гулякам. Город всегда был разделен избытком богатства и бедности, цивилизованного прогресса и криминальной эрозии, а образ Джеммы Уорлоу весь вечер тяжким грузом лежал на душе Фары.

– Иногда в такие вечера, как этот, я бы все на свете отдала за сладкие ароматы сельской местности, – проговорила Фара, чувствуя себя виноватой за то, что отвлеклась.

Сэр Морли издал тихий утвердительный звук. Подняв на него глаза, Фара заметила, что его светлые брови озабоченно хмурились, он смотрел на толпу людей на Стрэнде, но не сфокусировал взгляд ни на ком из них. Он был очень красив в вечернем костюме и белом галстуке. Непревзойденный английский джентльмен. Высокий, но не слишком. Подтянутый, но сильный. Красивый в классическом, аристократическом стиле, одновременно приятный и доступный. Его зубы были хорошо ухоженными и не слишком кривыми, и хотя ему было под сорок, его золотистые волосы все еще оставались густыми и сопротивлялись седине. Морли ходил, держась так, что люди перед ним расступались, и Фара невольно подумала о том, что это лишь увеличивает его привлекательность.

Сэр Морли был человеком незаурядным, а возможно, в его жилах даже текла голубая кровь; на первый взгляд казалось, что он пользовался уважением большинства полицейских, не говоря уже о том, что у него была репутация самого известного старшего инспектора в истории лондонской полиции.

– Мне кажется, я сегодня вечером в одиночку выпила бы две бутылки вина, – промолвила Фара, проверяя его, потому что ни один из них никогда не выпивал больше одного бокала за обедом.

Морли кивнул и что-то пробормотал, его крючковатый подбородок задвигался кругами, как будто он пережевывал ее слова.

– А потом, – продолжила разговор Фара, – я с удовольствием искупалась бы в Темзе. Скорее всего, я была бы голой. Я же не захотела бы испачкать свое новое платье, понимаете?

– Как пожелаете, – дружелюбно согласился Морли, так и не взглянув на нее.

Накрыв другой рукой их сцепленные руки, Фара увлекла его в какой-то дверной проем, подальше от пешеходов.

– Карлтон, – проговорила она, поворачиваясь к нему лицом, – вы озабочены. Все в порядке?

То, что она небрежно назвала его по имени, наконец привлекло внимание инспектора. Это был новый шаг к близости между ними, к которой оба все еще приспосабливались.

– Простите меня. – Он поднес ее руку к губам и поцеловал. – Я был непростительно неучтив. Пожалуйста, повторите, что вы только что сказали.

«Ни за что», – подумала она, но ее губы растянулись в улыбке. Поцелуй руки, затянутой в перчатку, вызвал прилив жара в ее груди, и она тут же простила его.

– Я заметила, что Дориан Блэквелл был сегодня оправдан в суде, – сказала она. – Это и давит тяжким грузом на ваши мысли?

При упоминании этого имени лицо Морли напряглось от досады, и он крепче сжал ее руку.

– Каждый раз, когда я ловлю его на чем-то, он ускользает из моих пальцев! Мне известно, что у него половина полиции в одном кармане, а половина парламента – в другом! – Выпустив ее руку, он снял шляпу и раздосадованно провел руками по волосам, прежде чем снова надеть ее. – Черт бы его побрал! – взорвался он. – А знаете, что имел наглость сделать этот мерзкий судья Синглтон? – спросил Морли и, не дожидаясь ее ответа, продолжил: – Он публично сделал мне выговор за злонамеренное обращение с подонком!

Фара продолжала молчать. У нее было иное мнение на этот счет, но она понимала, что сейчас не время говорить об этом. Раньше она считала Морли человеком очень строгих принципов, который выше того, чтобы бить человека со скованными руками, даже если негодяй может вполне этого заслуживать.

– Может, нам стоит развлечься сегодня как-то более расслабленно и не ходить в театр? – мягко предложила она. – Можно было бы прогуляться в садах или...

– Нет, – перебил Фару Морли, ласково приподнимая пальцем ее подбородок. – Нет. Я думаю, мне нужно отвлечься на комедию сегодня вечером. Это поможет мне стереть из головы все мысли о Дориане Блэквелле.

– Да, – согласилась Фара, наслаждаясь фамильярностью его прикосновения. – Вам лучше выбросить его из головы на весь вечер.

Правда, едва она произнесла эти слова, ее осенило, что когда в дело замешан такой человек, как Дориан Блэквелл, легче что-то сказать, чем сделать.

Уж так вышло, что сама Фара почти три дня беспрестанно о нем думала. Все время, пока Блэквелл держали в камере под лестницей, он непрощеным гостем поселился в ее мыслях и захватил их, как навязчивая мелодия, пока его присутствие в помещении под ее кабинетом не стало действовать ей на нервы, постоянно напоминая о себе.

– Да. Да, я так и поступлю и сегодня вечером сосредоточусь только на вашей ослепительной компании. – Полный решимости, Морли смотрел на ее запрокинутое лицо, пока его настроение снова не омрачилось. – Но дело в том, что, когда он сказал все это о нас с вами... я почувствовал, что смог бы его убить.

Фара попыталась воспользоваться своей обезоруживающей улыбкой.

– Не стоит слишком переживать из-за этого, – проговорила она. – За годы работы я, без сомнения, слышала и кое-что похуже. – И разве это не правда?

– Вы хотите этим меня утешить? – пробормотал Морли. Его голова опустилась ниже, пространство между их губами все сокращалось.

– Да, – решительно сказала Фара, выталкивая его из дверного проема на улицу, чтобы продолжить совместный вечер. – Дориан Блэквелл даже не входит в список самых грубых и отвратительных людей, которые обращались ко мне в бронированной комнате. – «Но каким-то образом он оказался самым страшным», – добавила она про себя. Хотя это странно, если подумать. За годы карьеры ей угрожали и предлагали взятки, ее унижали и умоляли, но Дориан Блэквелл не сделал ничего подобного. Он просто произнес ее имя. Возможно, было несколько инсинуаций. Фара была уверена, что неправильно поняла тонкий намек в его голосе, но ее до сих пор бросало в дрожь, когда она вспоминала об этом.

– Вам нравится работать со мной, Фара? – каким-то мальчишеским тоном спросил Морли, словно ему не хотелось задавать этот вопрос. – Я часто ловлю себя на мысли о том, что вам было бы лучше поселиться в каком-нибудь тихом и прекрасном месте.

Фара махнула рукой перед лицом, словно отгоняя неприятный запах.

– Мне нравится быть занятой, – ответила она. – Мне кажется, я бы чокнулась, если бы не сделала чего-то полезного за день. Я люблю работу в Скотленд-Ярде. Я чувствую себя хранительницей лондонских записей и всех его грязных тайн. И я горжусь своей работой.

– Я знаю, что это так и есть, – кивнув, сказал Морли, который, кажется, опять отвлекся на мысли о каких-то неприятностях. – А вы намерены работать в Скотленд-Ярде бесконечно? Неужели вы никогда не мечтали о семье? О детях?

Фара молчала, а вопросы так и роились в ее груди, пытаясь добраться до сердца. Сначала ей не хотелось работать в Скотленд-Ярде, но она устроилась туда в надежде когда-нибудь найти то, что ей было нужно. Открыть замки к тайнам ее прошлого. Но время шло, и она стала впадать в отчаяние, сомневаясь, что это когда-либо произойдет. А его второй вопрос... Она никогда не позволяла себе об этом думать. Такие слова, как «семья» и «дети», перестали для нее существовать, когда она была еще совсем маленькой, и она так и не решилась воскресить их, чтобы не разбить собственное сердце. Хотя что-то глубоко внутри ее сжималось и ныло при мысли о ребенке.

О семье.

– Я умираю с голоду! – весело объявила она, надеясь, что это поможет сменить тему разговора. – Давайте устроим себе ранний ужин перед театром... Что-нибудь итальянское?

Морли неохотно оставил прежнюю тему, но согласился.

– Я знаю одно местечко прямо рядом с «Адельфи», – сказал он.

– Отлично! – Фара засияла.

За легким итальянским ужином они избегали разговоров и о Черном Сердце из Бен-Мора, и о ее будущем, позволив себе вместо этого выслушать серенаду в исполнении бродячего скрипача и наслаждаясь восхитительной пастой «помodoro» с отличным красным столовым вином. Они болтали о несущественных вещах вроде строительства новых линий подземных железных дорог или растущей популярности детективной художественной литературы. Пьеса в «Адельфи» была увлекательной и хорошо написанной, и у обоих существенно улучшилось настроение, когда они шли по Флит-стрит к ее квартире, расположенной над кофейней мистера де Голя. Вечер перешел в ночь, и чем дальше на восток они уходили, тем опаснее становились улицы Лондона, и Фара радовалась тому, что ее спутник всегда носит с собой оружие.

– Держу пари, мистер Морли, что дальше они начнут писать о вас романы за полпенни, – поддразнила она его. – Возможно, туда даже войдут истории о вашем преследовании того, кого мы не будем этим вечером называть. Насколько это будет грандиозно?

– Смешно! – бросил Морли, но его румянец можно было разглядеть даже в свете фонаря, а взгляд его был довольным, когда он сверху вниз посмотрел на Фару.

Очередное поэтическое чтение у де Голя растворилось в кутеже, пропитанном абсентом. Звуки цыганской музыки и громкий смех разливались по улице и смешивались с криками проституток и торговцев джином.

– Я так и не смог понять, почему вы предпочли остаться здесь, после всех этих лет. – Морли еще крепче сжал ее локоть, провожая по темной задней лестнице в ее квартиру. – Эти... эти особы, из так называемых богемцев, не из тех, над кем может подшучивать женщина вашего происхождения.

Рассмеявшись, Фара повернулась к инспектору, встав на ступеньку выше, чтобы посмотреть ему прямо в глаза.

– Вы можете представить себе, как я над кем-то подшучиваю, Карлтон? Хотя, признаться, в некоторой степени я увлекаюсь богемцами. Они все такие творческие и свободные духом.

Морли ее слова не вдохновили, а скорее обеспокоили.

– Но ведь вы никогда... не посещаете эти вечеринки, правда?

– А что, если и посещаю? – игриво бросила она вызов Морли. – Что, если я бываю в обществе самых ярких и наиболее прогрессивных умов нашего времени?

– Меня волнует не то, что вы бываете в их обществе, – пробормотал Морли, – а кое-что другое.

– Дорогой Карлтон! – Взгляд Фары смягчился, она положила руку ему на плечо и позволила большому пальцу коснуться аккуратно подстриженных волос на затылке. – Я слишком стара, чтобы «бывать в обществе», «подшучивать» или какой там еще эвфемизм вы придумаете для скандального поведения. – Она посмотрела вниз, на булыжную мостовую, на которой, под окнами кафе, были нарисованы золотой краской два пересекающихся квадрата. – Но я люблю эту часть города. Она такая живая, полная молодости, искусства, поэзии...

– ... карманников, распутников и проституток, – договорил инспектор.

От этих слов из ее горла вырвался еще один теплый смешок.

– Большинство из них знают, что я из Ярда. Я осторожна и чувствую себя здесь вполне безопасно. К тому же, – добавила она беспечно, – мы ведь не можем позволить себе террасу рядом с Мейфэрмом, не так ли? – Фара хотела пошутить над его недавним приобретением – домом, но ее слова, похоже, отрезвили Морли, и он посмотрел на нее там, в полутьме, с еще большим пылом.

– Вам понравился этот вечер, миссис... м-м-м... Фара? Со мной?

– Я нахожу, что ничье общество не доставляет мне такого удовольствия, как ваше, – честно ответила она.

– Это хорошо. – Его дыхание участилось, глаза метались в нерешительности. – Отлично. Вот что... Я хочу сегодня вечером обсудить с вами кое-что особенное.

Ее пронзила легкая дрожь, когда она поняла, к чему клонит Морли. Как, черт возьми, ей отреагировать?

– Конечно. – Похоже, она тоже задыхалась. – Не хотите ли... зайти на чашку чаю?

Инспектор долго смотрел на ее дверь.

– Боюсь, будет неразумно приглашать меня в дом прямо сейчас. Учитывая, насколько я... Боже! Я боюсь все испортить.

Пальцы Фары проскользнули с его плеча к щеке, и она попыталась придать себе как можно более обнадеживающий вид, хотя ее сердце помчалось вскачь вместе с мыслями.

– Просто скажите, о чем вы думаете?

Он накрыл своей рукой ее руку, лежащую на его щеке.

– Я хочу должным образом ухаживать за вами, Фара, – быстро проговорил Морли. – Мы с вами вместе управляем таким успешным предприятием, так что представьте себе, как хорошо мы стали бы управлять общим домом. Нам нравится находиться в обществе друг друга. И, кажется мне, в последнее время наши чувства друг к другу стали сильнее, чем многолетняя дружба. – Сжав ее руку, он поднес ее к своей груди, прямо к сердцу. – Нам больше не придется быть одинокими, и вы – единственная, с кем я хотел бы проводить каждую ночь до конца своей жизни.

Приятное тепло окутало Фару, хотя она и была немного разочарована его словами. Итак, выходит, он не Россетти и не Китс⁷. Стоит ли использовать это против него?

– Подумайте о том, что вы мне предлагаете, – спокойно промолвила она. – Я вдова и давно вышла из подходящего для замужества возраста. Мужчина вашего положения с вашими заслугами нуждается в молодой жене, которая будет рада создать для него уютное местечко, дом, в который ему будет приятно возвращаться. Которая подарит ему пухлых деток и обеспечит уважаемое общество. А все мои знакомые – либо преступники, либо богемцы. – Она усмехнулась, а затем добавила с оттенком сухой иронии: – Иногда и то и другое сразу.

– Но вам двадцать семь лет, – заспорил Морли со своей собственной улыбкой – недоуменной. – Так что едва можно говорить о старости.

⁷ Английские поэты XIX века.

– В прошлом месяце исполнилось двадцать восемь, – поправила его Фара. – Мне кажется, я пытаюсь предупредить вас, что привыкла слишком твердо настаивать на своем, чтобы стать для вас послушной женой. – Хотя внутри у нее все затрепетало при мысли о детях.

Морли молчал несколько мгновений, хотя казался он скорее задумчивым, чем оскорбленным. Протянув руку, он отбросил ей на спину локон с обнаженного плеча, открывая взору белую кожу, не прикрытую шалью.

– Ваше первое замужество... – Морли помолчал. – Неужели оно было таким ужасным?

– Вообще-то наоборот. – Фара печально улыбнулась. – Просто... трагически коротким.

– Мне бы хотелось, чтобы вы как-нибудь рассказали мне о нем, – попросил инспектор.

– Может быть. – Фара солгала, потому что в это мгновение она сосредоточилась на тепле его пальцев, скользящих по ее коже.

Желание накрыло их, как лондонский туман, его нежная и мужественная форма успокаивала и возбуждала одновременно.

– Я также хотел бы вступить в состязание с вашим покойным мужем за ваши чувства. Я бы даже стремился быть достойным его памяти.

Эти изящные нежные пальцы наконец-то сомкнулись на ее плече, и он привлек Фару к себе.

– Эта перспектива не пугает меня, как испугала бы других мужчин.

Тронутая словами Морли, Фара прижалась к его сухопарой фигуре.

– Вы очень необычный человек, – сделала она инспектору комплимент, опуская ресницы от такой неожиданной близости. – И к тому же довольно красивый. Такие вещи лучше никогда не решать быстро. Дайте мне вечер-другой – проверить собственные чувства?

– Мне следовало бы догадаться, что такую деловитую и требовательную женщину, как вы, не сбить с толку. Но дайте мне хоть один шанс, Фара, – взмолился инспектор, прижимая ее тело к своему и скользя ладонью к изгибу ее спины. – Что-то, за что сможет ухватиться мое одинокое сердце.

– Не скажешь, что это не блестящее предложение, – искренне проговорила Фара. – Даже соблазнительное.

В его глазах вспыхнула надежда. Жар.

– Соблазнительное? Да, но наполовину не так соблазнительно, как вы. Боже, Фара, вы даже не представляете, как это слово на ваших устах воспаляет меня. Хоть вы и были замужней женщиной, думаю, вы могли бы соблазнять. Черт, да ваш муж, должно быть, был самым счастливым человеком во всей империи, пусть и недолго.

Одна его рука скользнула ей под подбородок, а вторая прижала их тела еще ближе. Фара постаралась скрыть печаль за улыбкой.

– Мы оба были счастливы некоторое время. – Хотя и не так, как предполагал Морли.

– Могу я поцеловать вас, Фара? – Пыл в его голосе одновременно пугал и волновал.

Фара подумала, а потом подняла голову. Их первый поцелуй был мягким, робким, но в целом приятным. Фара была рада, что они находятся в относительной темноте лестничной клетки, так что ей не приходилось следить за выражением лица, а также думать о том, следует ли ей открыть или закрыть глаза. Она могла просто наслаждаться теплом его близости. Ощущением его наглаженного льняного сютука под кончиками пальцев. Мастерством его рта, танцующего и двигавшегося на ее губах. Поцелуй на мгновение стал более настойчивым, но Морли снова ослабил натиск. Легкое ощущение влаги, когда его язык потянулся к ее губам, – не сильнее шепота.

«Дориан Блэквелл, вероятно, целуется совсем не так, – почему-то подумала Фара. – Наверняка в любовной игре он дик и жаден. Возможно, он чересчур сильный и испепеляющий в своих страстях». Его рот показался ей таким жестким. Циничная усмешка над упрямым подбородком. Нет, Черное Сердце из Бен-Мора был бы самоуверенным и требовательным.

Конечно, он не так сдержан и почтителен, как... О господи! Что она творит, думая о губах преступника, в то самое время как ее губы развлекают губы джентльмена! Разозлившись – скорее на Блэквелла, чем на себя, – Фара прокляла этого человека за то, что он опять незванным гостем вторгся в ее мысли. Опять! Какой же он наглый! Как только тепло в ее животе обратилось во всепроникающий жар, окрасивший ее кожу румянцем, любопытство и чувство вины подтолкнули Фару к исследованию.

Вцепившись в плечи Морли, она подумала о том, не воспользоваться ли ей собственным языком. Это допустимо? Не возмутит ли его французская манера целоваться? По правде говоря, Фара слышала о ней только из уст проституток, но сама эта идея уже некоторое время интриговала ее. Может, ей следует еще раз пригласить его в дом? Может, несмотря на то, какой ответ она решит дать Морли, она все же не доживет до тридцатилетия нетронутой?

Как только эта блестящая идея посетила ее, Морли прервал поцелуй, и в холодный воздух стали подниматься клубы пара от его прерывистого дыхания.

– Давайте пойдем завтра вместе в церковь, – выдохнул он. – Я не хочу ждать до понедельника, чтобы увидеть вас.

Фара с досадой вздохнула, услышав самую скромную просьбу, какую только можно было представить. Как он мог думать о церкви в такой момент? И ей пришло в голову, что раз уж он настойчиво исполняет роль джентльмена, то и ей следует быть леди.

– Я не религиозна, – призналась она. – Более того, я не хожу в церковь. Но если вам захочется выпить со мной чаю, когда служба закончится, вы можете зайти за мной днем. – Фара улыбнулась: перспектива изучить еще больше поцелуев Морли была ей приятна.

Отступив назад, Морли выпустил Фару из своих объятий, но перед этим еще раз поднес ее руку в перчатке к своим губам.

– Я хотел бы этого больше, чем могу выразить словами.

Так же быстро, как тепло вспыхнуло в ее душе, его погасил вечерний холод, и Фаре было невдомек, стало ли это ощущение ответом на поцелуй Морли или же... реакцией на навязчивые мысли о другом человеке, которые не давали ей покоя. Встревоженная, Фара подобрала юбки, плотнее закуталась в шаль и стала медленно подниматься по лестнице.

– Тогда спокойной ночи, Карлтон, – бросила она.

– Хороших снов, Фара Ли.

Остановившись, она очень медленно повернулась к инспектору, смотревшему на нее снизу вверх.

– Как вы меня назвали?

– Фара Ли. А вам что послышалось?

– Мне показалось, что я услышала слово «Фея». – Она шепотом произнесла это слово.

Волосы сэра Морли полыхнули медью, когда он рассмеялся, откинув назад голову.

– Должно быть, поцелуй подействовал на вас так же, как на меня, – сказал он.

– Ну да. – Фара отвернулась и прошла остаток пути до двери, не желая показывать инспектору неожиданно охватившую ее грусть.

Потому что сэр Морли был не прав, и ее неверный слух не имел никакого отношения к его поцелую.

Когда она отперла дверь своей квартиры, на сердце у нее было так тяжело, как не было уже несколько месяцев. Старая, знакомая тоска обвилась вокруг нее, и лезвие этой тоски было таким же острым, как десять лет назад. Закрыв за собой дверь, Фара прислонилась к ней и на мгновение замерла в холодной тьме, поднеся дрожащие пальцы к губам. Как же получилось, что после всех этих лет она испытывала столь противоречивые чувства? Будто она каким-то образом изменила ему? Нет, это слишком сильно сказано. И все же ей не давало покоя именно это.

«Прекрати, Фара!» – ругала она себя. Прошло уже десять лет с тех пор, как мальчик, которого она любила, умер. Семнадцать лет – с тех пор как они расстались. Ей было почти одиннадцать. Конечно же, она заслуживала того, чтобы построить жизнь с тем, кого выберет. Конечно, Дуган поймет. Чувство вины смешивалось с печалью до тех пор, пока Фара не ощутила себя настолько несчастной, что поняла: сегодня ночью ей не заснуть.

Фара пересекла уютную гостиную и дольше обычного зажигала свечу на каминной полке, чтобы в ее свете разжечь огонь в очаге. Подняв свечу, она потянулась к корзине с дровами.

Какое-то быстрое шевеление позади заставило Фару подскочить и оглянуться. Пламя свечи мерцало, плясало и яростно шипело, словно пытаясь спастись от дьявола, чье лицо маячило над ней. Одним темным глазом, полным греха, и голубым – полным злобы, он смотрел на нее сверху вниз, а его губы, обнажив белые хищные зубы, сложились в презрительную усмешку.

Крики Фары застряли у нее в горле и не могли вырваться наружу, пока она шарил за спиной в поисках кочерги. К ее ужасу и отчаянию, еще две крупные фигуры вышли из тени и приблизились к ней с двух сторон.

– Надеюсь, вам понравился поцелуй, миссис Маккензи. – Дориан Блэквелл облизнул пальцы и затушил огонь ее свечи, снова погружая их в темноту. – Потому что он будет для вас последним.

Глава 5

«Ты могла бы полюбить меня... Если, конечно, ты этого захочешь... Конечно, я буду тебя любить, Дуган Маккензи... Кто еще...»

Фара плыла сквозь туман воспоминаний, прерываемый быстрым, но далеким шелкающим ритмом, который прорезал приятную дымку с громкой, приводящей в недоумение последовательностью.

«Я никогда не оставлю тебя, Фея... Правда?.. Даже для того, чтобы стать пиратом?.. Обещаю... Хотя я мог бы стать разбойником с большой дороги... Щелк-щелк-щелк...»

Голова Фары была словно в стороне от всего остального, когда мягкий плывущий туман начал рассеиваться и реальность проникла в ее приятный сон.

– Мы уже довольно близко к Глазго, сэр, так что, может, вы захотите снова усыпить ее, чтобы она не успела на паром. – Грубый голос с шотландским акцентом, напомнивший ей о пиле и крепком напитке, вторгся в голоса юности.

– Через минуту, Мердок. – Тот голос. Мрачный и мягкий, с легким оттенком... чего-то чужого и в то же время знакомого. Где она слышала этот голос?

«А ты попробуешь тоже полюбить меня?.. Попробую, Фея, но я еще никогда и никого не любил... Этому я тебя тоже научу...»

– Вы правда думаете, что она вам поможет?

Грубый голос, похоже, приблизился вместе со сводящими с ума ритмичными звуками, которые заставляли все ее тело покачиваться из стороны в сторону.

– Я не оставлю ей шанса. – Мрачный голос тоже был ближе. Он был пугающе близко.

Фара была зла на них обоих. Этим мужчинам не место здесь, в ее драгоценных воспоминаниях. Они каким-то образом портят их. Особенно этот, мягкий и мрачный. Ей хотелось сказать ему, чтобы он оставил ее. Дуган Маккензи был для Фары заветной трагедией, которая принадлежала лишь ей одной, и ей хотелось приказать этому опасному голосу держаться от него подальше. Однако она не могла, потому что он проник в ее странную полудрему и обвил холодными пальцами страха ее горло.

«Любовь для сказок... Любви не существует. Но они же любили друг друга, разве не так?»

Фаре хотелось протянуть руку, но тут серьезные темные глаза Дугана начали исчезать. Его милый мальчишеский голос отдалился от нее, и на смену ему пришлось что-то жестокое и пугающее.

«Да, Фара Маккензи, вам надо бежать».

– Что вы ей скажете, когда она проснется? – спросил тот, кого звали Мердок.

– Вопрос, который тебе следовало задать, Мердок, заключается в том, какой информацией, которая может оказаться мне полезной, она владеет?

Встревоженная, Фара попыталась осмыслить услышанное, но, похоже, все мысли унеслись от нее, как упавшие листья в первую зимнюю метель. Ее конечности стали напряженными и одеревеневшими, тяжелыми и негибкими. И все же она раскачивалась, как ветка на разгулявшемся ветру. Щелк-щелк-щелк...

– Вы хотите сказать, что не намерены ей сообщить...

– Никогда! – В мрачном голосе прозвучала страстная нотка, будто он произносил клятву, но она быстро затихла.

– Но я подумал, что...

– Ты. Подумал. Что?

Холод. Этот человек был таким холодным. Как Темза в январе. Или как самые низкие круги ада, куда души, слишком темные, чтобы гореть, приходят, чтобы составить компанию дьяволу.

Глубокий, многострадальный вздох был слышен даже сквозь шум поезда.

– Да какая разница, что я подумал! – Голос Мердока звучал скорее раздраженно и разочарованно, чем испуганно, и Фара подумала, что он, вероятно, самый смелый человек на свете.

«Поезд!» Фара узнала дребезжащий грохот. Ритмичные щелчки, покачивание, слабые запахи угольного дыма и влаги. Когда она решила отправиться в путешествие? Тревога разгорелась еще больше, когда она ухватила за недавние воспоминания. Разве она собирала дорожный сундук? Она путешествовала по работе? Почему она была не в состоянии вынырнуть из этого тумана достаточно надолго, чтобы поднять тяжелые веки или пошевелить еще более тяжелыми конечностями?

Паровозный гудок расколол воздух, и Фара заметила, что они начали замедлять ход. Боже, ей было необходимо пошевелиться! Нельзя, чтобы ее застали спящей, когда они придут к пункту назначения, не так ли? Но кто ее попутчики?

Тут еще одно слово ворвалось в ее возвращающееся сознание.

«Глазго!»

Да что она вообще делает в Глазго? Веки Фары затрепетали, она почувствовала, как напрягаются ее мышцы, и сочла это признаком выхода из одурманенного состояния. Это было так на нее не похоже. Она никогда не принимала препаратов, которые помогли бы ей заснуть. И никогда не пила большого количества спиртного из страха оказаться в подобной ситуации. Так что же происходило? Может, ее отравили?

Страх пронзил прорехи в ее памяти, и Фаре стало казаться, что она несется к истине со скоростью парового двигателя поезда.

«Могу я поцеловать вас, Фара?»

Она была с Карлтоном. Он сделал ей предложение – в некотором роде, – и она сказала... Что?

– Ну ладно. – Грубый голос Мердока прервал ее сосредоточенность. – Пойду приготовлю все, что нужно, Блэквелл, а вы последите за девочкой.

«Блэквелл!» Сердце Фары бешено забилося, а разум попытался наверстать упущенное. Она ведь почти добралась до разгадки. Блэквелл... Шотландия... Поцелуй... Ну почему у нее не выходит сложить вместе части этой мозаики!

«Надеюсь, вам понравился поцелуй, миссис Маккензи... Потому что он станет для вас последним...»

Дориан Блэквелл, Черное Сердце из Бен-Мора. Она у него! Он ее забрал!

Глаза Фары распахнулись как раз в тот миг, когда два джентльмена в черном передавали друг другу флягу, хотя достаточно было взглянуть на их лица, чтобы понять, что эти мужчины вовсе не похожи на джентльменов.

Они были одни в частном вагоне, и такой роскоши Фара не видела никогда в жизни. Неясные образы винно-шелкового дамаста и бархата на окнах и мебельной обивке поразили ее ошеломленные чувства. Цвет крови. Если не считать крупных мужских теней в середине вагона, этот цвет преобладал в декоре.

«Это бессмысленно, – подумала Фара. – Если кто-нибудь и был пропитан кровью, так это Дориан Блэквелл». Судя по тому, что она о нем слышала, он просто плавал в реках, полных густой крови своих врагов. Так почему же казалось таким невероятно неправильным, что его шелковый галстук и воротничок под жестким подбородком столь чисты и белоснежны?

Веки Фары сопротивлялись ей, но охватившая ее тревожность требовала бежать. Бороться. Кричать.

– Не забудьте подпоить ее, прежде чем поезд остановится, – напомнил Мердок до того, как его тень приоткрыла дверь вагона, впуслав в него поток холодного воздуха и дневного света.

– Не беспокойтесь! – Дориан повернулся к ней, и черты его лица стерлись в тенях ее размытого зрения. – Я никогда не забываю!

Когда Фара проснулась в следующий раз, переход от сна к реальности показался ей гораздо проще, потому что она не слышала пугающих ее голосов, и ее тело не сотрясало от движения. Правда, ощущение парения на облаке продолжалось еще некоторое время, и она постаралась как можно дольше задержаться в этом мягком и безопасном промежуточном месте. Еще не в бодрствовании. Но уже не совсем во сне. Первым, на что она обратила внимание, был шум океана, охваченного штормом. Где-то вдали грохотал гром.

Завывающий ветер сильными порывами кидался на дождь, воздух был тяжелым и холодным от чистой, но соленой влаги. Фара вдохнула его, позволив ему пробудить воспоминания о месте, которое она покинула семнадцать лет назад.

Шотландия.

Ее глаза распахнулись. Ночь приветствовала ее тяжелой бархатной мглой. Судя по размеру окон, комната была большой, впрочем, Фара видела лишь часть их очертаний, потому что луна со звездами были скрыты грозowymi тучами.

Все еще слишком растерянная, чтобы паниковать, Фара пошевелила онемевшими конечностями и, к своему огромному облегчению, обнаружила, что она не связана и не скована. Мысленно вознесла благодарственную молитву, она попыталась собраться с мыслями. Она лежала на кровати, застеленной самым мягким бельем, к какому когда-либо прикасалась ее щека. Еще несколько движений – и она поняла, что все еще полностью одета, хотя корсет, кажется, был расшнурован.

«Кто это сделал? Блэквелл?»

При мысли об этом ее пробрала дрожь, несмотря на теплое, тяжелое одеяло. Ей нужно встать. Вычислить, куда ее привезли и как отсюда убежать. Середина ночи казалась подходящим временем для попытки к бегству, хотя шторм, бесспорно, мог стать проблемой. Если ее догадка верна, она находится в крепости Блэквелла, замке Бен-Мор. А это означает, что остров Малл окружен океаном, что делало бегство более чем рискованным.

Быть может, даже невозможным.

Но сначала о главном. Фара произнесла одну из своих мантр, не желая, чтобы ее парализовал страх. Человек должен уметь стоять, чтобы избежать чего-то, поэтому ей не следует бежать впереди себя. Гадая, что он ей оставил, Фара осторожно выпростала ноги из-под одеяла. Как можно найти тапочки в темноте?

Может, она сможет отыскать где-то поблизости лампу или свечу.

Ее руки немного тряслись, когда она попыталась оттолкнуться от кровати, чтобы сесть. Комната закружилась, или... голова? Фара несколько раз моргнула и вцепилась руками в одеяло, чтобы не упасть назад.

Серебристый росчерк молнии пронзил алмазные стекла окон. Фара была поражена размерами высокой и очень широкой кровати и камина, в котором поместился бы довольно крупный мужчина, но тут же забыла о них, потому что заметила затененную фигуру, неподвижно сидящую в кресле с высокой спинкой рядом с ее кроватью.

Дориан Блэквелл. Он следил за тем, как она спала. Он был настолько близко к ней, что мог протянуть руку и коснуться ее.

Молния погасла, погрузив их обоих в темноту, и Фара замерла на несколько секунд, пока гром сотрясал камни замка. Она не могла ничего разглядеть, но все-таки моргнула несколько раз, пытаясь унять биение охваченного страхом сердца.

Она ожидала, что в любой момент Блэквелл может броситься на нее, как хищник, воспоминание о котором он вызвал в ее памяти, и знала, что у нее нет сил бороться с ним или бежать.

– Прошу вас, – прошептала Фара, ненавидя себя за слабость в голосе, – не надо...

– Я не причиню тебе вреда, – отозвалась тьма.

Он был так близко, что ей казалось, будто она чувствует его дыхание на своей коже. Фара не была уверена, что поверила ему.

– Тогда... зачем?... Что я здесь делаю?

Ей хотелось ощутить какое-то движение, но тени оставались неподвижными и непроглядными. Прошло несколько беззвучных мгновений, прежде чем из чернильной тьмы до нее донесся голос:

– Я должен сделать нечто очень важное. У вас есть возможность либо помочь мне, либо встать у меня на пути. Независимо от этого, будет лучше, если я смогу за вами присматривать.

– Почему это вы решили, что я буду вам помогать? – властно спросила Фара, когда гнев начал заглушать ее панику. – Особенно после того, как вы похитили меня из дома, из моей жизни? Это был безрассудный поступок. Я работаю в Скотленд-Ярде, и меня станут искать. – Фара надеялась, что ее угроза попала в цель. Она вспомнила Блэквелла в бронированной комнате. Он был собран, казался бесстрашным, но она увидела пот на его лбу, напряжение натянутых мышц и пульсирующую на его мощной шее вену. – Полагаю, вы не любите замкнутые пространства, – рискнула Фара. – Если меня обнаружат здесь, вы не сможете избежать обвинения в похищении. Вас наверняка снова отправят в Ньюгейт.

– Вы не допускаете, что я могу сделать так, что вас никогда не найдут? – Его интонация оставалась прежней – холодной и безразличной, но Фара охнула, как будто он ее ударил.

Она молча боролась с охватившей ее от ужаса дрожью. Неужели он имел в виду, что ее не найдут? Или ее тело? Фара вспомнила, что Черное сердце из Бен-Мора оставлял после себя полный разгром – гору трупов и множество пропавших людей. Сожалея о своих угрозах, она стала искать в мрачных мыслях хоть что-то, что можно было сказать в этой ситуации.

– Вы его любите?

Фара опешила.

– Прошу прощения?

– Морли, – пояснил Блэквелл таким тоном, будто имя инспектора было сковано льдом. – Вы собирались принять его предложение?

У Фары появилось странное чувство, что этот вопрос удивил их обоих.

– Не понимаю, какое вам до этого...

– Отвечайте. На. Вопрос, – перебил ее Блэквелл.

Фара негодовала, когда ей приказывали.

Как ни странно, что-то в этой ночной пелене делало ее непривычно откровенной.

– Нет, – призналась она. – Хотя я испытываю большое уважение и симпатию к Карлтону, я его не люблю.

– Вы позволили ему поцеловать вас. – В этих бесстрастных словах каким-то образом прозвучало обвинение. – Он положил на вас руки. Вы имеете обыкновение позволять мужчинам, которых не любите, такие вольности?

– Нет! Я... Морли был первым мужчиной, который поцеловал меня после... – Фара быстро заморгала. Как мог такой человек, как Дориан Блэквелл, вынудить ее защищаться из-за какого-то жалкого поцелуя? Разве он не держит гарема с прекрасными куртизанками? Разве он не самый отъявленный мерзавец в королевстве? – Я не обязана объяснять вам свои действия! Я не воровка, не похитительница и не убийца. Я уважаемая, работающая, хладнокровная вдова и могу позволить себе любые вольности, которые удостою счесть уместными. – Голова у Фары все еще кружилась, и чем больше она волновалась, тем хуже себя чувствовала. То, чем он ее напоил, делало ее безрассудной, импульсивной и эмоциональной.

Темнота оставалась безмолвной и неподвижной так долго, что Фара спросила себя, не был ли призрак Блэквелла галлюцинацией, вызванной наркотиком в ее венах.

– Вдова? – пробормотал наконец Блэквелл, словно она поразила его своими словами. – Вы можете разыгрывать почтенную матрону с другими, *миссис Маккензи*, но вы – женщина со страшными тайнами. И уж так вышло, что мне эти тайны известны.

Самонадеянность Блэквелла раздражала Фару, но от его слов ее сердце сильнее забилося. Это было абсолютно невозможно. Разве не так? Ее тайны умерли десять лет назад и были похоронены в мелкой, безымянной могиле.

Вместе с ее сердцем.

– И что же, по-вашему, вам известно? – прошептала она. – Чего вы хотите от меня?

Еще одна вспышка молнии разветвила грозу, осветив его огромную тень, окрасив эбеново-черные волосы в синеву и придав неестественно серебристый оттенок больному глазу. Фаре удалось лишь на миг увидеть выражение его лица, но он не успел нацепить маску бездушия в этот миг, и то, что она увидела, ошеломило ее.

Блэквелл наклонился ближе к ней, опустив голову, и его глубоко посаженные глаза, пылая, смотрели на нее сквозь темные ресницы. Его рука зависла в пространстве между ними, на его лице застыло выражение изысканной боли и тоски одновременно. Видение исчезло так же быстро, как и появилось, и Фара сидела в темноте, ожидая прикосновения его пальцев. Но он не тронул ее, а его тень стала казаться широким контуром на фоне окна, когда он встал и отошел прочь.

– Ваши вопросы лучше оставить на утро, – проговорил он.

Смутившись, Фара не могла отогнать от себя картину того, как он потянулся к ней. Шрам портил резную симметрию черт его смуглого лица. Конечно, он придавал Блэквеллу еще более угрожающий вид, но обнаженная, томительная агония, свидетельницей которой она стала на мгновение, придала ее страху мистический оттенок. Было ли это следствием грозы или ее еще не восстановившегося полностью зрения?

В дальнем конце комнаты открылась дверь, и Фара снова удивилась. Он двигался так осторожно в крошечной тьме, не натыкаясь на мебель и не издавая ни звука.

– Как долго вы намереваетесь держать меня здесь пленницей, мистер Блэквелл? – спросила Фара. Ее руки на простынях дрожали, веки отяжелели.

– Я вовсе не намерен делать вас своей пленницей, миссис Маккензи, – ответил он после короткой паузы.

– Ну, узницей. – У нее создалось впечатление, что она его позабавила, или это была озлобленность? Изданный им звук невозможно было правильно истолковать, не видя его лица.

– Поспите немного, миссис Маккензи, – посоветовал Блэквелл. – Сегодня вы вне опасности, а завтра все прояснится.

Сказав это, он оставил ее, заставив размышлять о том, что он подразумевал под словами: «сегодня вы вне опасности».

Глава 6

Слова Дориана Блэквелла оказались пророческими, это Фара поняла, пробудившись от сна без сновидений, когда солнечный свет пролился на ее кровать и приятно согрел ей кожу. Ее мысли и зрение очистились наконец от грозowych туч минувшей ночи, и она почувствовала себя отдохнувшей и обеспокоенной одновременно.

Моргая от яркого солнечного света, Фара услышала в комнате какие-то громкие шорохи. Вскрикнув, она резко вскочила, когда в огромном камине вспыхнул огонь, разведенный невысоким, но крепким мужчиной, одетым слишком хорошо, чтобы быть слугой. Мужчина повернулся к ней лицом, над его седеющей бородой засияла веселая улыбка.

– Доброе утро, миссис Маккензи! Какое удовольствие наконец-то познакомиться с вами. – Он пересек комнату с удивительной для такого невысокого и плотного человека скоростью.

Встревожившись, Фара поспешно натянула одеяло на расстегнутый лиф, хотя под ним виднелась только шелковая сорочка.

– Не... не подходите ближе. – Фара подняла руку, чтобы остановить его, и тут же поняла, насколько это было нелепо.

Но, как ни странно, ее жест произвел на него впечатление: он замер у изножья кровати.

Взгляд ласковых голубых глаз смягчился, морщины на его щеках слегка разгладились, что придало ему отеческий вид.

– Тебе незачем бояться меня, дорогая девочка, я здесь только для того, чтобы разжечь огонь в камине и принести тебе завтрак. – Он указал на поднос с едой, стоящий у его левой руки около кровати. – Не сомневаюсь, что в животе у тебя переполох, поэтому я принес немного рисового пудинга, перепелиное яйцо, тост и чай.

Пока Фара смотрела на искусно расставленную посуду, ее желудок издал голодный протестующий звук.

Улыбка вернулась на лицо мужчины, светящееся от удовольствия.

– Ну вот, так я и думал. – Взяв поднос, он осторожно поднес его к Фаре и поставил ей на колени. – Ты можешь позавтракать, как истинная леди. – Он, сияя, подал ей льняную салфетку.

Фара, повинувшись привычке, протянула руку, чтобы взять салфетку и положить ее куда надо, пока он наливал чай в изящную фарфоровую чашечку самого чудесного оттенка зеленой мяты.

– Вы – мистер Мердок, – сказала Фара, узнав ворчливый голос. – Из поезда.

Взгляд, который он бросил на нее из-под ресниц, было невозможно разгадать.

– Ага, – наконец подтвердил он. – Хотя я надеялся, что ты ничего не вспомнишь о путешествии. Мы специально не давали тебе прийти в себя, чтобы ты не испытывала стресса.

Фара вытаращила на него глаза. Стресса? Да как человек может не испытывать стресс, когда его похищают и увозят в эту изолированную часть света? И что на уме у этого мужчины, который обращается с ней как с желанным гостем, а не как с заложницей?

– Сахар? Сливки? – Мердок заботливо указал на сливочник, полный свежих пенистых сливок, и на сахарницу с кубиками сахара.

– Нет, благодарю вас. – Правила хорошего тона требовали быть вежливой даже с тюремщиками. Фара изучающе посмотрела на Мердока, поднося чашку к губам, но ее рука замерла на полпути, когда она осознала, что в заварке может быть что-то еще, кроме чая.

– Не бойся, девочка, это всего лишь чай на завтрак, не больше. – Он правильно расшифровал ее мысли.

Фара выпила. Если он намеревался снова накачать ее тем, что недавно лишило ее сознания, то, скорее всего, как и раньше, зажмет ей рот и нос куском пропитанной наркотиком

ткани. Чай оказался вкусным и крепким, и хотя Фара привыкла по утрам пить кофе, чай помог ей разогнать паутину, путавшуюся в уголках ее сознания.

– А разве тут нет горничной, которая могла бы мне прислуживать? – спросила Фара, надеясь, что в женской компании она могла бы найти сочувствие и шанс убежать.

– Ты, очевидно, слишком важна, чтобы вас обслуживал кто попало. – Судя по лукавой искорке, промелькнувшей в его не сходящей с лица улыбке, Мердок опять понял, что у Фара на уме. – Он сказал, что ты будешь столь же умна, сколь красива, – отвесил ей комплимент Мердок, подталкивая к узнице хрустальное блюдо с рисовым пудингом.

Фара надеялась, что он не заметил, как она побледнела от комплимента, будучи знакомой с источником, на который ссылался Мердок.

– Видишь ли, здесь, в Бен-Море, нет женщин, а я – единственный из мужчин в замке, которому хозяин разрешает заходить в твой будуар. А теперь поешь! Набирайся сил.

С этим приказанием Фара не могла не согласиться. Если она намерена выбраться из нынешнего положения, то ей нужно держать голову холодной, собирать информацию и, да, восстанавливать силы.

– Почему именно вы? – спросила Фара, прежде чем откусить первый кусочек медово-сладкого пудинга, который растаял в смеси специй у нее на языке. Она не могла не наслаждаться изысканным вкусом угощения, которое, несмотря ни на что, было таким простым на вид.

Мердок неловко переступил с ноги на ногу.

– Видишь ли... детка... дело в... м-м-м... отсутствии... романтического интереса к женщинам, вот...

– Вы предпочитаете мужчин, – догадалась Фара, проглотив второй кусочек пудинга.

Мердок заморгал, явно не ожидая от нее такой прямолинейности.

– Ну да, так оно и есть, – признался он. – Надеюсь, это вас не обидит.

– Это как раз ничуть не обидит, – заверила его Фара. – Однако мне не нравится, что вы – похититель и неизвестно кто еще, и служите самому отъявленному преступнику на острове.

Услышав это, Мердок закинул голову назад и расхохотался, схватившись за бока своей куртки, словно хотел свести вместе ее швы.

– А ты храбрая девчонка для такой крошки, – сказал он наконец. – Думаю, отвага пригодится тебе в ближайшие дни.

От этих слов сердце Фара дрогнуло, и она с трудом проглотила кусок.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она, вспоминая слова Дориана Блэквелла о том, что тут она будет вне опасности. Или он сказал «в» опасности? Сейчас прошедшая ночь казалась ей сном, который быстро растаял. Если не считать вспышки в его глазах и того, как он к ней потянулся. Как человек в пустыне тянется к mirage.

– Это простой вопрос со сложным ответом, детка, так что оставим Блэквеллу возможность все тебе объяснить.

При мысли о том, что ей придется снова встретиться с Дорианом Блэквеллом, Фара слегка затошнило.

– Мистер Мердок... – начала было она.

– Просто Мердок, – поправил ее он.

– Хорошо. Мердок. Не могли бы вы просто... дать мне представление о том, зачем меня сюда привезли? – взмолилась она. – Все, что я могу, это придумывать худшие возможные сценарии, а я хотела бы подготовиться к встрече с... вашим нанимателем.

– Прошу прощения, детка, но приказ есть приказ.

К чести Мердока, он, похоже, действительно искренне сочувствовал Фаре.

– Но я хочу, чтобы вы знали: ни один из обитателей замка Бен-Мор не поднимет руку, чтобы сделать вам что-нибудь, разве только вы его об этом попросите.

– До тех пор, пока я не попытаюсь сбежать, – заметила Фара, разрезая перепелиное яйцо. Улыбка Мердока погасла.

– Верно. Да.

– И только если я буду вести себя как подобает заложнице.

Она отправила кусочек в рот и с удовлетворением заметила про себя, что яйцо было приготовлено на масле.

– Ну-у... это не... я хочу сказать... мы все были бы вам обязаны, если бы вы...

– И пока мои просьбы не будут противоречить приказам Блэквелла, – перебила его Фара.

– И это... тоже... – Чувствуя себя все более неуютно, Мердок попятился к двери. – Но ты в безопасности, вот что я хотел сказать, независимо от того, какими устрашающими на вид могут показаться здешние парни.

– Ну что ж, тогда я постараюсь быть лучшей узницей, какая только попадала в этот замок. – Фара сделала маленький глоток чаю, наслаждаясь неловкостью Мердока. Он заслужил это, подлец, несмотря на свою заботливость. Он приложил руку к ее похищению, и ей следует помнить об этом. И это поможет ей бороться с растущим желанием проникнуться к нему приязнностью.

– Ох, детка, я бы попросил тебя не смотреть на вещи в таком свете, – серьезно проговорил он, хмурясь от беспокойства. – Дай Блэквеллу шанс разъяснить тебе ситуацию, и тогда, может, ты немного иначе воспримешь происходящее. – Взявшись за ручку двери, Мердок смотрел, как Фара ест, и словно ждал ее ответа.

– Очень хорошо, Мердок, – промолвила Фара, надеясь, что ее голос звучит достаточно убедительно.

Мердок явно испытал облегчение.

– Кстати, на чердаке есть дамская одежда, – сказал он. – Хочешь, я пойду поищу что-нибудь, пока ты допиваешь чай, а потом вернусь и заберу твоё платье постирать? Хочешь, чтобы приготовили ванну?

Фара кивнула, жуя тост, и хриплый шотландец, шаркая ногами, вышел из комнаты. Дождавшись, пока стук его сапог утихнет, она сунула в рот последний кусок тоста и запила его обжигающим чаем. Он не запер за собой дверь. Это могло быть ее единственным шансом. Если Фара что и знала наверняка, так это то, что пропавших женщин находят очень редко, и хотя искать ее будут лучшие и самые талантливые сыщики, никто и никогда не догадается, что ее увезли в замок Бен-Мор. Ей самой придется позаботиться о своем освобождении, и она намеревалась рискнуть, а не ждать своей участи в шелковой роскоши замковых покоев. Свою сумочку, шаль и туфельки она обнаружила на мягком синем бархатном стуле. Фара заглянула в атласную сумочку, чтобы убедиться, что в ней достаточно денег, чтобы выбраться с острова. Потом она попытается найти местного констебля и посмотрит, не удастся ли ей вернуться в Лондон, воспользовавшись небольшим кредитом и профессиональной любезностью.

После безуспешной проверки белого деревянного шкафа, Фара отчаялась найти плащ с капюшоном или ротонду и взмолилась, чтобы солнце светило еще несколько часов. Подойдя к большим окнам, она оглядела территорию замка. Открывшееся ее взору ослепительное зрелище заставило ее вздохнуть.

Замок Бен-Мор раскинулся на широком полуострове на фундаменте из скалистых серых и черных камней. Фара провела взглядом по пологому склону холма, по изумрудной траве, ползущей к берегу, рядом с которым в спокойных серо-голубых водах пролива отражалось солнце. Эту пастораль дополняли пасущиеся овцы, и ее красота отвлекала Фару от неотложных дел. По другую сторону узкого пролива виднелись горы на основной территории Шотландии – близкие, но недостижимые. Окна выходили на восток, то есть земля находится к северо-западу отсюда.

Возле замков всегда прячутся деревушки, и если у нее есть шанс найти кого-то, кто поможет ей пересечь канал, она найдет этого человека среди рыбаков или грузчиков, которые, без сомнения, там живут.

По пути к двери Фара накинула на растрепанные волосы шаль и надела туфли. Она лишь раз оглянулась назад, когда остановилась, чтобы обдумать варианты бегства. Несмотря на то что она рвалась бежать, ее охватило мучительное любопытство. Почему Черное Сердце привез ее сюда? Какую пользу она могла ему принести?

Темный страх нашептывал ей, что она, вероятно, не захочет задержаться тут достаточно долго, чтобы это выяснить. С колотящимся сердцем Фара осторожно приоткрыла дверь удивительно твердой рукой и прижалась глазом к щели, проверяя, нет ли охранника. Ничего не обнаружив, она проскользнула в приоткрытую дверь и тихо закрыла ее за собой.

Вместо холодного серого камня залы замка Бен-Мор были украшены роскошными бордовыми коврами и итальянскими мраморными полами. Фара молча шла по коридору вдоль темных деревянных панелей к большой лестнице с открытой галереей. Ковры заглушали звук ее легких шагов, но если бы кто-то вздумал проследить за ней, его шагов тоже не было бы слышно, поэтому Фара внимательно посматривала, не крадется ли за ней Мердок или еще какой пугающий тип, который мог служить Блэквеллу. Передняя галерея, должно быть, представляла собой старое крыло постройки, потому что она могла быть большим залом любого средневекового замка. Ледяной камень был согрет роскошными тканями гобеленами, а над широкой лестницей висела кованая люстра. Едва замечая роскошное окружение, Фара спряталась за каменными резными перилами, когда под изогнутой каменной лестницей открылась боковая дверь и два гулких мужских голоса эхом разнеслись по залу. Лакеи, догадалась Фара, когда они пересекли фойе в своих тяжелых ботинках и вышли через великолепные, изысканно украшенные парадные двери.

Что ж, она ведь не думала, что сбежит, просто выйдя из замка через парадные двери, не так ли? Фара вспомнила еще одну попытку к бегству... Через кухню. Кухни располагались на первом этаже или ниже, и там были уголки, в которых при необходимости можно спрятаться. И если ее поймают на пути туда, она может сказать, что ищет еду. Затаив дыхание, Фара на цыпочках спустилась по каменной лестнице и бросилась к широкому каменному проходу. Если этот замок походит на другие замки в Англии, кухня должна быть расположена в задней части постройки и, к счастью, именно в северо-западной части.

Чувствуя себя так, словно провидение на ее стороне, Фара пробиралась по лабиринту коридоров первого этажа мимо манящей к себе библиотеки, заброшенного жилища священника и бесчисленных гостиных. Оказавшись в столовой комнате, она поняла, что идет в правильном направлении. Кроме тех двух лакеев, она не встретила ни одной живой души.

В кухне на плите в большой кастрюле тушилось аппетитное мясо, а на посыпанном мукой столе аккуратными рядами лежали восхитительные, дымящиеся тарталетки с фруктами. У Фары слюнки потекли от их аромата, а пальцы так и потянулись к ним, но она сдержала себя, понимая, что шансов на бегство меньше с каждой секундой. Мердок в конце концов вернется в ее комнату и обнаружит, что ее нет, а ей к этому мгновению надо быть по крайней мере в миле от замка.

Дверь в другом конце большой, хорошо оборудованной кухни была приоткрыта – как и дверь расположенной рядом кладовки. Возможно, повар был там или в подвале. Лучшего момента для побега и представить нельзя. Едва касаясь пальцами ног пола, Фара промчалась мимо стола и плит с дымящейся едой, прижимая к подбородку шаль и приподнимая пышные юбки.

Солнечный свет разливался по камням и на одно восхитительное мгновение коснулся ее лица, когда она приоткрыла тяжелую дверь настолько, чтобы выскользнуть из замка.

Плечо Фары едва не вывернулось из сустава, когда ее единственная надежда на спасение была уничтожена мясистой рукой.

– Нет, – сказал гигант с терновыми глазами, грозя ей пальцем, словно ругая плохо воспитанную собаку. – Уйти нельзя.

Фара отскочила назад и ударилась об острый край стола. Сдерживая проклятье и крик, она схватилась за бедро и попыталась не отшатнуться с перепугу от неуклюжего, плохо сложенного лысого мужчины, похожего на чудовище Франкенштейна, со шрамами, отметинами, но очень нежными карими глазами.

– Пожалуйста, – отчаянно взмолилась она. – Пожалуйста, отпустите меня! Меня удерживают здесь против моей воли. Никто не узнает, что вы позволили мне уйти. Сжальтесь надо мной!

В ответ на ее слова великан захлопнул дверь кладовки и встал перед кухонной дверью, как безмолвный часовой, предотвращающий ее побег.

– У меня есть деньги, – попыталась Фара, выкладывая монетки из своей сумочки на стол. – Они ваши, если вы позволите мне пройти.

Франкенштейн молчал, сложив руки на животе и по-прежнему глядя на нее с терпением и жалостью.

Заметив столовые приборы, Фара схватила самый большой нож и замахнулась на гиганта.

– Вы позволите мне уйти! Немедленно!

Судя по его кривой ухмылке, она просто позабавила его.

– Я... я серьезно... Я не хочу причинять вам боль. – При мысли о том, что она применит к кому-то силу, Фаре сделалось нехорошо, но она постаралась придать своему лицу самое решительное выражение, на какое была способна.

Веселье гиганта превратилось в обезоруживающую улыбку, обнажившую его острые зубы, расположенные пугающе широко друг от друга.

– Да вы и не сделаете этого, – произнес он медлительным тоном простофили. Английского простофили. Странно это.

– Я точно это сделаю, если вы не отойдете в сторону и...

Молниеносным движением, слишком быстрым для такого медленно говорящего зверя, он избавил Фару от ножа, даже не прикоснувшись к ней, и положил его на стол подальше от нее.

Что он сделает дальше? Фара почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица, но глаза мужчины сверкнули, как будто она неведомым образом сделала ему что-то приятное.

– Вы ему нужны, – добродушно сообщил Франкенштейн. – Идите к нему.

– Да я скорее пойду к дьяволу! – выплюнула Фара. Ей опять не понадобилось уточнение относительно того, о ком шла речь.

Отвернувшись от гиганта, она устремила взгляд на кухонный стол позади себя, кипя от негодования, но не испытывая ни капли страха. У нее за спиной раздался тяжелый вздох, по которому можно было судить о медлительном характере этого человека со статью быка.

– Вы были Феей Дугана, – сказал он с оттенком благоговения в голосе.

Фара резко повернулась к нему.

– Что?! – вскричала она.

– Он мне так вас и описывал. Серебристые локоны, серебристые глаза и мелкие веснушки. – Он указал на волосы Фары, словно желая продемонстрировать ей их цвет.

Фара быстро заморгала, глядя на стоявшего перед ней гиганта, уголки ее глаз наполнились слезами.

– Вы знали Дугана Маккензи? – выдохнула она.

– Я был с ним в тюрьме. Мы все были. Очень давно.

– Расскажите мне! – взмолилась Фара. Все ее мысли о страхе и побеге растворились при упоминании имени Дугана. – Пожалуйста, сэр, можете рассказать мне, что он вам говорил? Скажите мне о...

– Сначала идите к нему. – Мясистая рука Франкенштейна почесала большой шрам у себя на голове. – В кабинете. Это даст мне время вспомнить его слова.

– Я могу остаться здесь, пока вы вспоминаете. – Фара медлила, гадая про себя, было ли слабоумие этого человека врожденным или оно развилось в результате многочисленных очевидных травм головы. В поисках хоть чего-нибудь, что могло бы отвлечь его, она заметила тарталетки.

– Это ведь вы готовили мне завтрак, не так ли?

Гигант кивнул.

– Завтрак был очень хороший, – честно сказала она. – Как вы думаете, может быть...

– Идите. Сейчас. Поговорим позже. – На лице повара появилось упрямое выражение, когда он ткнул пальцем в сторону двери.

– Я не хочу идти к Блэквеллу. Я хочу *домой*!

– Вы нужны ему, Фея! – Подмигнув, он ободряюще кивнул ей.

– Никогда больше не называйте меня этим именем! – Не осознавая, что делает, Фара угрожающе шагнула к повару, он попятился к двери, широко распахнув полные недоумения глаза. – Вы меня понимаете? У вас нет права так меня называть!

Фара понимала, что озадачила их обоих такой бурной реакцией, но ситуация приводила ее в ярость и, надо признать, интриговала. Так много вопросов о ее прошлом осталось без ответов, но, возможно, они ждали ее в этом загадочном замке. И все же, что, если ее здесь не ждет ничего, кроме опасности? Что, если за внимательным персоналом и роскошным убранством ее поджидает макиавеллианский хищник, который попросту играет с ней, перед тем как она станет его следующим блюдом? Она больше не могла этого выносить.

– Я пойду к нему! – рявкнула Фара. – Вы не оставляете мне выбора.

Как будто ее вспышки и не было, он удовлетворенно кивнул.

– Можете взять несколько тарталеток, – предложил он.

– Ни за что! – Фара ссыпала монетки назад в сумочку и понеслась к двери, так и кипя от негодования. Ну почему всякий раз, когда она приближалась к ответам на вопросы, к истине, у нее на пути вставали тупоголовые мужчины? Это невероятно раздражало. Остановившись, она оглянулась. – А с чем тарталетки?

– С клубникой. – Франкенштейн вытер руки о фартук и протянул ей поднос.

Проклиная свою неспособность отказаться от лакомства, Фара взяла одно из крохотных пирожных.

– Это не означает, что я прощаю вас за похищение человека.

– Нет, конечно, – согласился он. – Просто чтобы все разъяснилось.

Фара сунула пирожное в рот, и тут же масло, сахар и терпкость весенней клубники захватили ее вкус.

– Боже мой! – не в силах сдержаться, восхищенно простонала Фара.

Его зубы – или их отсутствие – обнажились вновь, а губы растянулись в приветливой улыбке. Жуя, Фара рассматривала стоявшего перед ней мужчину. Он казался абсолютно неуместным в этой кухне в парижском стиле, оборудованной самыми современными и дорогими инструментами и приборами, хотя куда больше ему бы подошла конюшня кузнеца или... ну-у... тюремная камера. Однако, несмотря на это, он был очень талантливым шеф-поваром.

– Как вас зовут? – не удержавшись, спросила Фара.

– Уолтерз.

– Уолтерз. – Она взяла еще одну тарталетку, а потом еще одну. – Это ваше имя или фамилия?

Он раздумывал над ответом больше времени, чем требовал вопрос.

– Честно говоря, не помню, – признался он. – Просто Уолтерз, хотя я хотел бы иметь и имя.

Фара задумалась на несколько секунд, прежде чем принять решение.

– А что скажете насчет Фрэнка? – предложила она, перекладывая третью тарталетку в другую руку, прежде чем потянуться за четвертой. – Фрэнк Уолтерз.

Он смаковал это имя так же, как она смаковала его пирожные.

– Подходящее, правильное имя, – заключила Фара. Под стать монстру Франкенштейна. – А теперь, с вашего позволения, у меня, кажется, назначена встреча с черносердечным криминальным гением.

Фара заблудилась в бесконечных поворотах извилистых коридоров, прежде чем нашла кабинет. Она на несколько минут задержалась в библиотеке, отвлекшись на книжные шкафы до потолка вышиной и железную винтовую лестницу, ведущую на второй этаж. Кабинет, как Фара и предполагала, находился в великолепной комнате рядом с парадным входом. Хотя, сунув голову в дверь – явно никто не запирает двери в этом чертовом замке, – Фара обнаружила красивую и массивную комнату пустой.

Нет, не пуста *per se*⁸. Пусть внутри никого не было, странное, почти физическое ощущение присутствия хозяина чувствовалось в каждом уголке этого мужского кабинета. Фара слышала его в едких нотах сигарного дыма, льнущего к мягкой темной кожаной мебели. Запах сигар смешивался с ароматом кедра и какого-то цитрусового масла, которым натирали огромный письменный стол, окруженный еще более темными деревянными шкафами. Ни единого солнечного луча не проникало сюда сквозь тяжелые бархатные портьеры цвета красного вина. Единственным источником света служили две лампы на аккуратном столе и очередной камин размером с жилые комнаты небольшой семьи с Чипсайда.

Словно маняемая невидимыми руками, Фара сделала робкий шаг в кабинет, потом еще один. Лишь шелест ее юбок и хриплое дыхание нарушали царящую здесь тишину.

Удары ее сердца – громкие, как пушечные выстрелы, – эхом отдавались в ушах, когда она вошла в личное логово Дориана Блэквелла.

Фара попыталась представить в этой комнате такого человека, как Черное сердце из Бен-Мора, занимающегося чем-то прозаическим, вроде написания письма или просмотра бухгалтерских книг. Но, пробежав пальцами свободной руки по бронзовому пресс-папье в форме корабля, она поняла, что вообразить такую картину невозможно.

– Я вижу, вы уже пытались бежать.

Отдернув руку от пресс-папье, Фара прижала ее к вздымающейся груди и повернулась лицом к своему похитителю, стоящему в дверях.

Он был даже выше, чем она помнила.

Темнее.

Крупнее.

Холоднее.

Даже когда он стоял в солнечном свете, проникающем в кабинет через окна фойе, Фара ощущала, что Блэквелл неотъемлемая часть теней этой комнаты.

Словно для того, чтобы проиллюстрировать ее мысли, он вошел в комнату и захлопнул за собой дверь, успешно перекрыв все источники естественного освещения.

Повязка закрывала его поврежденный глаз, позволяя увидеть лишь край шрама, а в здоровом глазе, освещенном огнем, можно было прочесть мысли, для передачи которых двух глаз и не нужно.

«Теперь ты моя».

⁸ По существу (*лат.*).

Как это было верно. Ее жизнь зависела от милосердия этого человека, печально известного отсутствием милосердия.

Черный сюртук, едва скрывавший его широкие плечи, растягивался в такт его движениям, но если что и привлекло внимание Фары, так это до боли знакомая черно-синяя с золотом клетка его килта. Плед Маккензи. Фара и не знала, что мужские колени могут быть такими мускулистыми или что покрытые черной порослью мощные ноги в больших черных ботинках могут быть такими привлекательными.

Фара попятилась назад, к столу, когда он сделал к ней шаг, вновь вызывая в ее памяти образ крадущегося ягуара. Отблеск огня играл на широких чертах его загадочного лица и отбрасывал тени на нос, сломанный так много раз, что его больше нельзя было назвать аристократическим. Разумеется, несмотря на дорогой галстук, сшитый на заказ костюм и эбеново-черные волосы, подстриженные по моде, больше ничто не выдавало джентльмена в Дориане Блэквелле. На его челюсти красовался исчезающий синяк, а на губе заживала рана. Вчера во время бури она этого не заметила, однако знала, что это Морли поранил его. Неужели с тех пор прошло так мало времени?

Что он только что ей сказал? Что-то о бегстве?

– Я... я не знаю, о чем вы говорите.

Взгляд его здорового глаза устремился на почти забытые Фарой тарталетки, которые она сжимала в руке.

– Полагаю, вы пытались убежать через кухню, но вас задержал Уолтерз.

«О черт!» Воздух в кабинете внезапно стал слишком плотным. Слишком густым, наполненным, изобилующим... *Блэквеллом*.

Решив не поддаваться страху, Фара вздернула подбородок и заставила себя посмотреть ему прямо в глаза... Точнее... в глаз.

– Ничего подобного, мистер Блэквелл, я проголодалась. И я не хотела встретиться с вами лицом к лицу, не подкрепившись.

Блэквелл приподнял бровь.

– Подкрепившись? – От его безучастного голоса волоски на затылке Фары встали дыбом. – Пирожными?

– Да, именно так, – стояла на своем Фара.

В доказательство своих слов она сунула одну тарталетку в рот и принялась яростно жевать, о чем тут же пожалела, потому что та оказалась суше сухаря. Проглотив комок, Фара постаралась сдержать гримасу, пока он медленно и очень неприятно продвигался к ее желудку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.